

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It features a large, glowing green and yellow vortex or portal in the center. Within this vortex, a dragon's head is visible, breathing fire. The dragon's scales are detailed with red and orange patterns. The vortex is surrounded by dark, gnarled tree branches and some small, dark figures that look like birds or insects. The overall color palette is dominated by dark greens, yellows, and oranges, creating a mysterious and somewhat ominous feel.

Елена Булганова

ВЕЧНИКИ

КНИГА
ЗЕМЛЯ

Вечники

Елена Булганова

Книга земли

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Булганова Е.

Книга земли / Е. Булганова — «Росмэн», 2018 — (Вечники)

ISBN 978-5-353-08861-5

Третья, заключительная книга фэнтези-серии «Вечники» писательницы Елены Булгановой, финалиста VII сезона литературного конкурса «Новая детская книга». Лида Весна наконец узнает, кто настоящий хозяин Книги талантов и для чего потребовалась вся комбинация по выявлению ее таланта Наследницы. И она понимает: Книга талантов должна быть уничтожена, но в то же время... не может быть уничтожена. Найдется ли решение для такой задачи?. Можно ли, не нарушив законы вечников, спасти всех – и вечников, и полувечников, и простых смертных?. А если нет – как избежать наказания от таинственных Семерых?.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08861-5

© Булганова Е., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Булганова

Книга земли

© Елена Булганова, 2018

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2018

Магия может сделать бессмертным и защитить от зла, но что делать, если зло проникло внутрь? Что делать, если огромную силу хотят использовать для темных целей? Смириться или сражаться? Герои Елены Булгановой знают правильный ответ: сражаться! И следить за их приключениями необычайно интересно.

Вадим Панов, писатель

Глава 1

ФАТА-МОРГАНА

– А вот предложу проводить тебя до школы – будешь сильно возмущена? Вопрос этот Вера задала из глубины своего любимого кресла, плюшевого, почти круглого, в котором легко утонуть, как в сугробе. Она забралась в него с ногами и куталась по подбородок в старенький клетчатый плед – после месяца в Израиле никак не могла притерпеться к промозглой питерской погоде. И внимательно наблюдала из своей уютной норки за крутящейся у зеркала дочкой. Лида в лихорадочном темпе меняла шестой наряд за пять минут, то и дело бросала тревожный взгляд на часы.

– Вообще не буду. Только зачем? Погода ужасная, оттепель, и все развезло. Ты побереги себя, мамуль.

Вера выразительно вздохнула в ответ:

– Тебе не понять, дочь моя, сколько раз за эти годы я мечтала первого сентября отвести тебя в школу. Как достойная мать, а не так провально, как это вышло в первом классе.

– Mam, ну ты и есть самая достойная мать из всех известных мне матерей. Хоть сегодня не первое сентября, но, если тебе так уж хочется...

– Хочется! – Женщина стремительным движением отбросила плед и оказалась уже полностью одетой, в шерстяном брючном костюме бирюзового цвета – одна из немногих, но очень удачных покупок, сделанных во время заграничного лечения. Мать называла эти вещи трофейными. Для дочери таких вещей был привезен целый чемодан, их-то Лида и примеряла сейчас у зеркала.

Осторожно, но уверенно женщина поднялась на ноги, стараясь не помогать себе руками. Ей это удалось – и лицо сделалось по-детски восторженным, даже щеки заалели. Начав снова ходить, Вера словно второй раз родилась на свет.

– Тогда я выдвигаюсь помаленьку, а ты догоняй. И заканчивай уже с примеркой, все равно всех затмишь. Да, проведай Музу напоследок, узнай, не нужно ли ей чего.

– Ага, мам, будет сделано!

Лида остановила свой выбор на черной строгой блузе, блейзере цвета топленого молока и прямой бежевой юбке. И поверх всего этого великолепия – шерстяное пальто, на ощупь и цвет похожее на шкурку новорожденного львенка. С полминуты пялилась на себя в зеркало с дурацкой улыбкой – а ведь классно вышло, честное слово! Никогда прежде девушка не ощущала себя такой взрослой... и даже красивой.

Спohватившись, огромными прыжками пронеслась по лестнице на второй этаж, заглянула сквозь щель в спальню. Тетка Муза вновь приболела, но в этом не было ни грамма Лидиной вины; после возвращения ее в родной дом они даже ни разу не поцапались. Обычная простуда загнала тетку в постель, и сейчас она сладко спала, выводя носом сочные рулады на весь дом. Рядом с ней прикорнул Славик, вполне здоровый, но освобожденный бабушкой от школы «на всякий пожарный случай».

Да и в самой школе только сегодня после недельного перерыва возобновились занятия. До этого она была закрыта якобы по случаю эпидемии гриппа, но на самом деле совсем по другой, таинственной и непостижимой причине.

Ясное дело, освобождение города от мора для прочего мира не прошло бесследно. Городок как-то одномоментно заполонили журналисты всех мастей, комиссии, охотники за аномальными явлениями, просто любопытные. По телевизору во всех ток-шоу без конца задавался вопрос: как могло случиться, что город на три месяца словно испарился с карты области,

но при этом день за днем поглощал огромные ресурсы, вплоть до того, что в нем бесследно растворились затребованные непонятно кем бесценные экспонаты из золотых и бриллиантовых коллекций Эрмитажа, мебельные гарнитуры из дворцов Пушкина и Павловска и еще много чего?

А ответов не было вовсе. Договорились уже до того, что город стал ареной масштабного эксперимента по управлению массовым сознанием, организованного не то американскими, не то российскими спецслужбами.

Городские жители тяжело приходили в себя после пережитого, недоумевали, негодовали, искали виноватых. Когда Лида с Лазарем и Анной встретили Веру в аэропорту и привезли домой, им даже не пришлось придумывать для нее какие-то особые объяснения. Город к тому времени уже бурлил, оставалось только списать все на таинственный морок. По официальной версии Лазарь и Лида оказались вне города как раз в тот момент, когда в нем начали твориться странные вещи, потому и обитали некоторое время в Питере. Но очень волновались за Анну и однажды нашли способ вернуться. А тут как раз все, по счастью, и закончилось.

Неделю со времени освобождения города Лида почти неотлучно провела с матерью. Лазарь и Анна по своим делам улетели в Штаты, Мила у себя дома как могла поддерживала выбитых из колеи родителей, Алексей – мам у. Мрачно вздыхая, уехал в Питер Сашка Ревунов, на прощание намекнув Лиде, что встреча с родителями наверняка окажется похлеще всех их прежних приключений и еще вопрос, удастся ли ему на этот раз уцелеть.

А Марат... он был там, за обугленными стенами, совсем близко – и абсолютно недостижим. Морок не ушел из города. Он сохранился за смехотворной оградой, которую местные жители старательно обходили стороной, избегая смотреть на мрачную громаду дворца, совсем недавно бывшего их гордостью и любимым местом для посещений. Уже от нескольких людей Лида выслушала абсурдную версию о том, что дворец был заминирован фашистами таким хитрым способом, что до сих пор не найден способ привести его в порядок.

Вера дожидалась дочь у калитки. Она опиралась на серебристую трость, такую изящную и легкую, что казалась удачной частью ее нового образа, и скороговоркой произнесла, поймав взгляд дочери:

– Спрячу в кустах на подходе к школе, обещаю!

– Ой, мама, ну перестань! Что за детский сад?

– Не критикуй мать! А то наведаюсь к директору и расспрошу подробно о твоей успеваемости! Давно пора, кстати.

– Ага, а ты не забыла, что я вообще училась пару месяцев в другом месте?

– Тогда велю ему быть с тобой поостроже, а то разбаловалась, поди, в буржуйской школе.

Так, подкалывая друг дружку, они достигли парковой зоны. У входа в парк была остановка – но, судя по отсутствию народа, автобус недавно ушел, и было принято решение идти пешком. Через пару минут приблизились к дворцу, вернее, к уродливой ограде. Вера зябко передернула плечами:

– Брр, вот уж неприятное местечко. И куда только власти смотрят, сделали бы уже хоть что-нибудь...

«Как они это устроили? – в который раз задалась вопросом Лида. – Неужели мама начисто забыла, как восторгалась дворцом во время прогулок в инвалидном кресле и как мечтала побывать там на экскурсии?»

Кто это – «они», девушка не могла точно сформулировать. Некий непостижимый и загадочный хозяин Книги, который то ли существует, то ли нет. Возможно, Валерий, которого вынудили работать на этого хозяина под страхом расправы над его друзьями. И Креон, от вос-

поминаний о котором начинает слегка подташнивать. И все-таки... все-таки сейчас выдался подходящий момент.

– Мама, – начала Лида, чувствуя, как предательски сохнет горло и учащается дыхание. – Мам, послушай, мы с тобой даже больше подруги, чем мать с дочерью, верно же?

– К чему ты клонишь? – моментально сориентировалась Вера.

– Мамуля, ты же понимаешь, что я уже достаточно взрослая, чтобы узнать правду насчет моего отца. Ты ведь не думаешь, что я могла бы... ну, осудить тебя...

Она замолчала, растеряв все слова. А ведь так тщательно готовилась к этому разговору – и не один раз. В сущности, ей требовалось только подтверждение, ведь Креон сам признал свое отцовство. Но Вера молчала, и походка у нее вдруг сделалась неуклюжей, кособокой, словно собирались отказать недавно отремонтированные ноги. Лида и сама была не рада, что начала говорить об этом, но давать задний ход было поздно.

– Мам, тот человек на фотографии с дня рождения вашей группы... это он, да?

– Нет, не он, – вроде как с облегчением тут же ответила Вера. Как будто боялась совсем другой догадки.

– Но мы с ним так похожи. «Средиземноморский тип внешности», – процитировала девушка Лазаря. – Не совсем норма для России, да?

– Не он, – стояла на своем мать. – И вообще давно нужно вырезать этого типа с фотографии, все руки не доходили. Из-за него серьезно пострадала моя однокурсница. А твой отец, Лида... просто поверь мне на слово, он был хорошим человеком. Я специально не рассказывала тебе о нем в детстве, потому что понимала: ты станешь подростком и решишь, что все это были лишь обычные сказочки, которым не стоит верить. Будет проще, если ты сначала повзрослеешь, а потом уже все узнаешь.

– Так я уже вроде как здорово повзрослела, мам, не находишь? Может, давай прямо сегодня?

– Не могу, Лид. – Вера решительно помотала головой. – Есть... есть причины. Давайждемся хотя бы твоего совершеннолетия.

– Когда, по твоим прикидкам, оно наступит? Ты же у нас теперь гражданка мира.

– Когда тебе стукнет восемнадцать, ладно? В этот день торжественно обменяемся секретами...

Лида саркастически хмыкнула. Можно представить, как это будет происходить.

«Мам, я, понимаешь ли, давно уже стала бессмертной, а с этого дня еще и меняться перестану».

«Дочь, отстой твои новости, вот я тебе сейчас такое расскажу про твоего отца...»

И все-таки даже слабая надежда, что мерзкий Креон не был ее отцом, здорово повысила настроение. Но ненадолго: пройдя еще пару десятков метров по только что расчищенным дорожкам парка, Лида пришла к выводу, что мать от умолчания почему-то перешла к активной лжи. Ведь сам Креон считал Лиду своей дочерью. А еще она абсолютно точно была Наследницей, дочерью вечника, проявился же в нужный момент этот ее пресловутый талант! Девушка была сбита с толку.

Бросила беглый взгляд на громаду дворца и споткнулась на ровном месте. Потому что в одном из окон на втором этаже Главного корпуса заметила свет, неяркий, зыбкий, вроде как от фонарика или телефона. Поморгала – и свет поморгал в ответ. Конечно, это могли отражаться в остатках оконного стекла еще не до конца угасшие звезды или городские огни. Но окно Лида на всякий случай запомнила.

Вера вдруг остановилась, словно выросла в землю, обеими руками оперлась о трость.

– Знаешь, Лид, давай этот выход будем считать репетицией. А вот в следующий раз я абсолютно точно доведу тебя до самой школы. Еще и за ручку, так что готовься!

– Мам, ты обиделась! – огорченно вскрикнула девушка.

– Нет, просто слегка не рассчитала свои силы. А потом, парк так хорош! Ты беги, а я пройду медленно и со вкусом. И вернусь домой.

Но Лида видела: мать огорчена. Как же нехорошо все получилось! Нет времени умолять о прощении, звонок через четверть часа, а так хочется сперва пообщаться с Милой! И главная интрига дня: придет ли сегодня в школу Санин? Если с Милой, Лазарем и Анной Лида постоянно была на связи, то с Алешей так и не созвонилась ни разу. Понимала – все будет очень непросто. Но она очень постарается, чтобы они снова были вместе.

– Ладно, только скинь эсмэску, когда вернешься в дом, а то буду волноваться!

Она наскоро чмокнула мать в прохладную щеку и понеслась вперед по парковой дорожке. С разбегу взлетела на мостик, с него по накатанному ледку едва не съехала на пятой точке. И резко тормознула, заметив у самой кромки озера девушку. Та стояла спиной к аллее, смотрела на озеро, ее непокрытые светлые волосы беспощадно трепал ветер. Лида подошла и положила руку девушке на плечо:

– Привет, Мил.

Журавка лишь кивнула в ответ. Глаза у нее были предательски красными, губы подрагивали.

– Ты, наверное, каждый день ходишь к дворцу? – сообразила Лида.

Подруга новым кивком подтвердила ее догадку.

– А я вот первый раз сейчас мимо прошла. Хотелось отдохнуть от этого местечка. Слушай, а ты ничего необычного там не замечала?

Мила мотнула головой – нет.

– Ну, ничего, как только ребята вернутся, разберемся мы с этим дворцом! Никуда он от нас не денется. Ты не переживай, с Маратом наверняка все нормально.

– Если бы он в тот вечер не вернулся во дворец! – пробормотала Журавка. – Лида, я чувствую себя такой виноватой!

– Гос-споди, да в чем же? Ты его, что ли, за порог вытолкнула? Он же сам хотел уйти к своей семье, волновался за них...

– Нет, я сделала кое-что гораздо худшее.

– Была, что ли, пособницей Креона?

Мила на шутку не отреагировала, продолжала еще более убитым голосом:

– Помнишь, в тот день Анна рассказывала нам про Валерия? Марат тогда, я заметила, здорово огорчился. Потом, когда все выходили из комнаты, мы на пару секунд задержались там вдвоем. И он сказал, даже не мне, а так, в пространство: «Я думал, у них этот Валерий был вроде шута горохового, а он, оказывается, фигура». А я как-то на автомате ему ответила: «Да, он потрясающий парень, Анна мне о нем много рассказывала». После этого Марат даже в лице изменился и сразу засобирился уходить.

– И это вся твоя вина?! – поразила Лида. – На мой взгляд, ты просто становишься нормальной девчонкой!

Сказала и сама переполошилась в душе: вдруг Мила обидится, начнет докапываться, что она имела в виду. Но подруга только вздохнула тяжело:

– Не хотелось бы. – И тут же встрепенулась: – Ой, опоздаем же! В первый день после... в общем, помчались!

И, забыв на время все свои беды, девушки припустили наперегонки по заснеженным дорожкам. Визжали на весь парк и хватали друг дружку за одежду. Съехали с хохотом на ногах еще с одного мостика, взметнув гигантским веером брызги размокшего снега и всполошив толком не проснувшихся уток. Вдруг Мила резко тормознула и выкинула вперед руку:

– Смотри! Кто это там?

Лида посмотрела. Справа по ходу их движения сиял нетронутым снегом холм правильной формы, искусственная насыпь для разнообразия паркового ландшафта. На вершине его стоял человек.

Лица, конечно, в утренних сумерках было не разглядеть, но точеная фигурка тут же навела Лиду на мысль о Джулии. Поражало то, что одета неуставленная личность была в легкую белую рубашку, которую нещадно трепал ветер, и, кажется, босиком. Это было так странно и неожиданно, что Лида крикнула, прежде чем подумала, стоит ли это делать:

– Джулия! Это ты там?

Но девушка на холме даже не дрогнула. Она широко расставила ноги, согнула корпус, словно готовясь к обороне. И вдруг попятилась, на мгновение сложила пополам, прижав руки к животу. В следующий миг выпрямилась и таким памятным Лиде движением выхватила из-за пояса кинжал. Но не метнула, а, обхватив рукоять обеими руками, обрушила на кого-то. Повернулась к девушкам, как будто собиралась сбежать к ним по склону холма. Но вдруг выгнулась, забила, словно кто-то схватил ее сзади за шею. И исчезла из виду.

Девушки, не сговариваясь, бросились в обход холма, утопая в рыхлом снегу. И – никого там не обнаружили. Джулия, если это была она, просто растворилась в пространстве.

Мила, согнувшись в три погибели, рыскала вокруг холма, искала следы. Бесплезно: снежный покров лежал нетронутым после ночного снегопада. Девушки в недоумении переглянулись.

– Это была Джулия, я уверена, – сказала Лида. – Но ведь она сейчас во дворце, а дворец...

– В другом времени. Что же мы такое видели? – обычно бледное лицо Журавки полыхало от волнения. – Призрак? Мираж?

Лида в ответ только руками развела:

– Ладно, давай все же доберемся сегодня до школы. А потом подумаем, что это было.

Но попытки осознать случившееся неизменно заставляли их сбрасывать темп, время от времени одна из девушек замирала на месте, тогда как другая упорно тянула ее вперед. Таким образом очень нескоро, но они все же вступили в пределы школьного двора. Мила, держащая Лиду под руку, вздрогнула и застыла.

– Что? Опять мираж? – всполошилась та.

– Да если бы. Смотри.

На пороге школы стояла завуч Ариадна Васильевна с блокнотом в руках. В распахнутой шубе и надвинутой по самые брови мохнатой шапке, она явно давно заняла этот наблюдательный пункт. Квадратные каблуки глубоко вросли в снежное месиво. Через весь двор она прожигала девушек взглядом и тем ничего не оставалось, как приблизиться к ней с самым виноватым выражением на лицах.

– Так, Весна и Журавка. – Завуч как раз закончила выводить в блокноте их фамилии, с заметным удовольствием отчеркнула жирной линией. – В школу не торопимся. А не кажется ли вам, девочки, что после всего случившегося в этом городе стоило бы чуточку серьезнее относиться к вашим обязанностям?

– А кто-то уже выяснил, что случилось в этом городе? – себе под нос шепнула Лида.

Мила услышала, хихикнула. Но, кажется, завуч умела читать по губам, поскольку отреагировала мгновенно:

– А твоя мать, Весна, уже достаточно восстановилась, чтобы добраться до школы и познакомиться наконец со мной и прочими педагогами?

Лида не успела ответить, потому что завуч вдруг привстала на цыпочки и завопила на весь двор:

– Нечего прятаться, я всех заметила и узнала! В темпе подходим ко мне!

Девушки под шумок нырнули в теплый и душный школьный вестибюль с клетями-раздевалками. И как же Лида была рада его видеть, такой маленький, темный и жалкий по сравнению с лицейским. И такой родной. В тесной раздевалке они с трудом отыскивали свободный крюк, нацепили на него свою верхнюю одежду, а сверху еще и мешки с сапогами и понеслись наверх.

Но на середине лестницы Лида вдруг остановилась, с тяжело бухающим сердцем повисла на перилах и взмолилась:

– Ой, Мил, стой!

– Ты чего? – Журавка, уже достигшая площадки второго этажа, сбегала вниз к подруге.

– Кажется, у меня назревает сердечный приступ, – мрачным голосом информировала ее Лида. – Давай лучше до звонка посидим в столовке.

Мила понимающе кивнула головой:

– Ты из-за Леша, да? Я понимаю, это всегда самое трудное – когда после каникул идешь в класс и знаешь, что вот сейчас его увидишь. Он сейчас наверняка глаз не сводит с двери.

– Если вообще пришел.

– Пришел, конечно! – Журавка лукаво улыбнулась. – На самом деле мы вчера созванивались.

– Ага, так тебе он соизволил позвонить! А мне вот фигурки.

– И что тут такого удивительного? Он же не в меня влюблен. Если хочешь, давай прогуляем англиш. Пусть помучается.

И выразила всем своим видом полную готовность проделать обратный путь к школьной столовой. Но Лида сообразила, что только зря промучает себя лишние полчаса, и решительно воскликнула:

– Нет, давай на урок!

В рекреации на втором этаже царил торжественная тишина. Мила, чуточку побледнев, поскреблась в дверь класса, затем приоткрыла ее и сунула в щель голову:

– Анна Рейновна, простите, мо...

И осеклась. Потом, схватив подругу за рукав, втянула ее за собой в класс. И конечно, первым, кого Лида там увидела, был Алексей Санин.

Он сидел теперь на месте Марата, за четвертой партой у окна. Смотрел вовсе не на дверь, а строго перед собой, хотя едва ли был слишком поглощен уроком. Рядом напряженно застыла все та же полноватая девочка. Судя по пылающим щекам и встревоженному виду, она явно не могла определиться: оплакивать ли ей исчезновение прежнего соседа по парте или приглядываться к новому.

Пока девушки усаживались за парту у, Санин на секунду вышел из состояния прострации, приветственно поднял ладонь и улыбнулся одними губами. Лида с шумом обрушилась на свое место у прохода, уже предвидя проблемы грядущего косоглазия. Все силы уходили на то, чтобы сдерживать бурное дыхание, и скоро от недостатка воздуха легонько закружилась голова. В этот миг Мила сунула ей под руку записку:

Лид, расслабься, ты зеленая! Как думаешь, он может оказаться вечником?

Кто?!

– на пол-листа вывела Лида.

Глазки выше! —

пришел ответ.

Девушка подняла глаза и от души изумилась, увидав на учительском месте вовсе не привычную Анну Рейновну у, а неизвестного ей мужчину у.

На первый взгляд он казался совсем молодым, наверное, из-за ярких темных глаз и шапки угольных волос. Фигура мощная, атлетическая. Черная глухая водолазка под горло и с рукавами до костяшек пальцев, сверху – серый пиджак, наверняка приобретенный сугубо для школы. Держался новый учитель не слишком уверенно, предпочитал больше писать на доске, чем обращаться к классу. Но, присмотревшись внимательно, Лида заметила серебристые пряди в его волосах. И написала внизу Милиного вопроса:

Да ему уже все 30. Очки надень.

Мила послушно полезла в сумку – искать очечник. А Лида тем временем продолжила строчить – пусть Алеша видит, что она при деле.

*И вообще, я думаю, вечники не работают в школах.
Потому что вызывают ужас у 60 % людей.*

Журавка, уже в очках, немедленно написала в ответ:

Ну, тогда все учителя в моей жизни были вечниками.

Лида не удержалась и на нервной почве громко прыснула. Тут уж свежеиспеченному учителю ничего не оставалось, как повернуться лицом к классу. Выловив Лиду глазами, он подметил огорченным голосом:

– Ну вот, сперва опоздали, а теперь никак не можете сосредоточиться на уроке.

– Простите нас! – пискнула Мила.

– У меня претензии не к вам, а к вашей подруге, – мягко осадил ее мужчина.

«О, нас теперь на вы будут называть!» – приятно удивилась Лида и на всякий случай встала.

– Ага! – вроде как обрадовался педагог. – Раз уж сами поднялись, то прошу к доске, расскажите немного о себе.

– На английском? – уныло уточнила Лида.

– А как сами думаете? Впрочем, не хотите говорить о себе – понимаю, скучная тема, – можете рассказать, что сами пожелаете. Наверняка у вас весьма насыщенная жизнь.

– I don't think so, – пробормотала девушка, нехотя дошла до учительского стола и завела давно отработанный и изрядно поднадоевший рассказ о себе. Говорила – и не забывала краешком глаза рассматривать нового учителя. Рассмотрела россыпь морщинок вокруг глаз и одну глубокую, прорезавшую высокий лоб.

«Ой, да ему уже под сорок. И отлично, хватит с меня новых вечников».

– Достаточно, – скоро прервал ее учитель. – Что ж, очень даже прилично. Отличное произношение, между прочим.

«Ну еще бы, после пары месяцев жизни рядом с Лазарем».

– Садитесь, четыре.

– Почему это четыре? – обиделась Лида. – Я все правильно рассказала.

– Рассказали правильно, но уж больно вяло и безрадостно. В следующий раз жду более зажигательных ответов на моих уроках.

Класс оживился, шепотом обсуждая новые требования. Лида с надутым видом вернулась на место, шумно плюхнулась на стул, и Мила снова сунула ей записку:

А англичанин и впрямь не первой свежести.

Наверное, оскорбилась за подругу.

После звонка Санин немедленно рванул к ним, едва не опрокинув в проход свою медлительную соседку по парте. Прошипел сердито:

– Обязательно было опаздывать?

– А тебе что за дело? – вспыхнула Лида.

– Волновался, между прочим. Сами знаете...

– Давайте выйдем из класса, – подала разумный, как и всегда, совет Журавка. – И мы тебе расскажем, почему опоздали.

Рассказ о Джулии впечатлил Алексея. Помолчав, он произнес разом осипшим голосом:

– Значит, мы и других можем встретить... точнее, увидеть. И конечно, думал он в этот момент об отце и о Марате.

– Увидеть – да. Но сомневаюсь, что с ними можно вступить в контакт, – уточнила Лида.

Она удобно устроилась на широком рекреационном подоконнике, вопреки школьным правилам. Первый страх встречи схлынул, на смену ему пришло приятное расслабление.

– А что насчет нового учителя? – переключился Алексей. – Девчонки все уже пищат от него.

– Не все, – буркнула Лида. – А откуда он вообще тут образовался?

– Вроде как временно замещает Анну Рейновну, пока она болеет. После случившегося в городе многие болеют. Здорово всех повышибало из колеи.

– Мама твоя как? – сообразила спросить Лида.

– По-разному. Иногда вроде все нормально, а потом вдруг застынет на месте и может стоять так часами. Или сидеть. Про отца говорит – путается, то ждет его возвращения, а то ей кажется – умер он.

Плечи Санина поникли.

– Вот и мои... – горько посетовала Журавка. – Вдруг начинают на ровном месте ссориться, выяснять, почему так получилось, да что с ними произошло...

Звонок призвал их на новый урок – химию. На следующих переменах они так же немедленно сбивались втроем, уединялись, совещались. Правда, Мила несколько раз пыталась улизнуть под различными предлогами, но Лида была начеку и успевала поймать подругу за руку. В этот день она не желала никаких осложнений.

Уроки закончились. Пока все втроем спускались в вестибюль, Лида вновь ощутила мандраж: ее крайне волновал вопрос, составит ли ей Санин компанию по пути к дому или найдет какую-нибудь дурацкую причину и отправится другим маршрутом. Мила по телефону чуть громче, чем требовалось, уверяла маму, что будет дома совсем скоро, уже выходит из школы. Сердце совершало отчаянный подскок на каждой ступеньке. Ноги, как трусливые предатели, тряслись и норовили повернуть назад, забиться в пустующий класс.

Натянув одежду, Лида, Мила и Алеша вышли на школьный двор. И в тот самый миг, когда все должно было решиться, из-за дуба, словно черт из табакерки, выскочил Сашка Ревунов.

– Приве-ет! – заорал радостно, с ходу обнимая девушек за плечи и чмокая каждую в щеку. Потом коротко пожал руку изумленному Санину, чья фигура превратилась в сплошной знак вопроса, – знакомство парней было совсем недолгим.

– Ты откуда нарисовался? – удивилась Лида.

– Да вот с Милкой вчера потрепался и решил глянуть, как у вас тут первый школьный день проходит.

Вчетвером они отошли к скамейке за дубом, чтобы пообщаться без помех.

– Саш, как родители? – спросила Лида.

– Хочешь спросить типа почему я до сих пор жив? – жизнерадостно заржал Ревунов. – Не, порядок, встретили, как героя. Пылинки сдувают. Про ваш городишко теперь весь мир

болтает, ну, сами в курсе. Я только рассказал, что был в разрешенном ими же походе, там хлебнул чайку, отключился – и очнулся уже здесь. А чего происходило, рассказать не мог у, сам пострадавший. Так что мои-то быстро от меня отстали.

Ревунов говорил громко, улыбался каждой черточкой лица, но Лида догадывалась – у ее друга далеко не все в порядке.

– А кто не отстал? – спросила тихо, уже предвидя ответ.

– Юсуповы, – горестно сник парень. – Ну, родители Полинки. Сначала звонили днем и ночью, пару раз у школы подстерегли. Они думают, я что-то знаю об их дочери. Ну да, я знаю – а чего могу им сказать? Поэтому бегаю от них, как шизанутый заяц. Вот сегодня после третьего урока смылся, чтоб с запасом.

«А Полина думала – родителям на нее наплевать».

Мила распрощалась и убежала, пояснив, что ее ждут дома.

– Ладно, чего стоим, двинули. Я тебя провожу. – Ревунов стремительным движением выхватил из рук Лиды школьную сумку и закинул себе на плечо. Потом снова протянул руку Санин у, намереваясь попрощаться.

– Вообще-то нам с Лидой в одну сторону у, – с самым мрачным видом сообщил ему Алексей, и девушка внутренне возликовала.

– Ну, класс, вдвоем веселей, – бодро откликнулся Сашка. – Вперед! По пути остальные новости расскажете.

Конечно, первым делом Лида сообщила ему про странный мираж, который они с Милой наблюдали утром в парке. От ее внимания не укрылось, что при упоминании имени Джулии Сашка разволновался и сильно побледнел к концу рассказа.

– Надеюсь, она хоть жива осталась, – пробормотал он. – Миражик-то мрачноватый.

– Так, выкладывай, что еще произошло! – не выдержала Лида. – Я же вижу, ты как на иголках.

– Ладно. – С Ревунова разом слетело натужное оживление. – В общем, за эту неделю пропало двое ребят. Это только из тех, кого я лично знал. Насчет одного ты помнишь, наверное, Лид, я рассказывал, мы с ним обсуждали эти самые сейшены. А со вторым я в другой группе общался, по спортивному ориентированию, а потом уж я его в «Вечниках» углядел. Еще перетерли накануне похода, что в зимнем лесу может пригодиться, он за пару недель до нас ходил. Но наши все в порядке, я отслеживаю: и Феликс, и Венера, и Вовка с Маришкой выходят в Сеть. Венерка, похоже, совсем в уме повредила, посты какие-то безумные пишет. Но хоть все живы.

– Господи! – Лида прижала ладонь ко рту. – Неужели этот кошмар продолжается?

– Так очевидно же. Эти гады развлекают себя все новыми талантами.

– Но как такое возможно? – вмешался Санин. – Гнездо вечников сейчас находится вообще в другом времени.

– Ну, может, не все вечники туда слиняли?

– Нет, – поддержала Алешу Лида. – Для обретения нового таланта по-любому нужна Книга, необходимо прикосновение к ее обложке. А Книга во дворце. Значит, получается, каким-то неведомым образом полувечники в состоянии пересекать границу между временами, да?

– Тогда Ворон давно уже был бы с нами! – вскричал Алеша.

– Но если для этого нужен приказ хозяина... Получается, пути назад нет. А туда – есть.

– А кто-нибудь вообще связал происшествие в нашем городе с группой «ВКонтакте»? – спросил Санин.

– Да кто его знает, связали или нет. Толку-то? Группа исчезла, как не бывало, эти уроды набрали нужное количество народа и теперь жируют.

– Этот Креон что, вообще страх потерял? – взорвалась Лида. – Не понимает, что я его за такое...

Руки сами собой сложились в нужную позицию: правая ладонь легла поверх левого запястья. Ребята отреагировали мгновенно: Алеша схватил девушку за левую руку, Сашка – за правую, а свободной ладонью замахал у нее перед глазами:

– Стоп-стоп, не горячись! Чего развоевалась? Мы же не знаем, кто там теперь заправляет. Может, хозяин сменился давно. И Креон в другом времени, не забывай.

– От тебя и сбежал, – уточнил Санин.

– Но что делать-то? – простонала девушка. – Это сколько ребят еще погибнет...

Мрачное молчание было ей ответом. Потом Сашка задумчиво проговорил:

– А я вот чего думаю: если Джулия меня призовет, я смогу оказаться во дворце, так, что ли?

– Жить надоело? – спросил Алексей.

– Не, пожил бы еще маленько. Да Джул меня не тронет, за это я не переживаю. Мне бы только во дворец попасть. Разузнать, что там да как.

– Не тронет? – от всей души изумилась Лида. – Слушай, Сань, в первую вашу встречу она сделала из тебя полувечника. Во вторую послала на верную смерть. Ты правда хочешь повидаться с ней еще раз?!

– Не, Джул нормальная девчонка, – с поразительной убежденностью стоял на своем Ревунов. – Малость шизанутая из-за этого своего Креона, но это ерунда. И если она вдруг захочет, к примеру, связаться, Лид, с тобой, то может вполне призвать меня во дворец. А потом отправить обратно. Я бы не возражал.

Лида нервно хмыкнула: само собой, возражать у него все равно не выйдет.

– А вообще подумываю в вашу школу перевестись, – крайне неожиданно переменил тему Сашка.

– Это каким образом? – вскинулся Алексей, и тон вопроса ясно показал, что к такому развитию событий он не готов. Ревунов охотно пояснил:

– Я тут пару подходящих статей в Инете почитал. Готовлюсь к большому разговору с родителями. В лицее на меня теперь все смотрят как на потерпевшего, плюс журналисты проходу не дают, на ток-шоу разные зову т. Попрошу отправить меня к бабке в Шпаньково. Скажу, что мне в вашу школу ходить просто необходимо, потому как тут все пережили примерно такое же. Получается вроде и учеба, и терапия вместе, ага?

– На месте твоих родителей я бы тебя и близко не подпускал к нашему городу, – обреченным тоном произнес Алеша.

– Может, и не подпустят. Но спросить не помешает, верно?

Они уже шли по Лидиной улице. У распахнутой калитки стояла Вера без всякой палочки, лишь чуточку опиралась плечом о забор. Она весело улыбалась дочери и ребятам. Лида наскоро представила маме своих друзей.

– Заходите, будем чай пить, – тут же сказала Вера.

Сашка с явным сожалением затряс головой:

– Не, мои с ума сойдут, если через час не появлюсь. Побегу на электричку.

И без промедления припустил по улице в направлении станции. Проводив его глазами, Санин произнес церемонно:

– Я тоже не мог у, извините. Мама одна дома, я обещал быть пораньше.

И, не оглядываясь, зашел в другую сторону. А Лида побрела по дорожке к дому, тщательно пытаясь скрыть нахлынувшие разом разочарование и пустоту.

Глава 2

ПОБЕГ В ПРОШЛОЕ

Марат не сразу вернулся во дворец – по меньшей мере часа два нарезал круги по парку. Нарочно продирался сквозь самые густые заросли, бродил вдоль кромки воды, где слежавшийся снег капканом сковывал каждый шаг, а наледь стеклянной крошкой сыпалась в ботинки. Пытался таким образом изгнать тот скользкий горький ком, что застрял в груди после рассказа Анны о Валерии. Но не преуспел в этом, зато вымотался и промерз так, что, казалось, кости стали хрупкими. И только после того, как перестал чувствовать пальцы на руках и ногах, побрел все же в сторону ярко освещенной громады дворца.

Первым делом Ворон наведлся в подвальный этаж, заглянул в комнат у, ставшую очередным временным пристанищем для его матери, брата и сестры. Отец больше не жил с ними, и Марат толком не знал, где тот обретается. Да и не хотел знать. Отселение Вельшина-старшего пошло на пользу семейству: понемногу сошли вечные синяки с рук и лица матери, а младшие теперь реже кричали по ночам от кошмаров и пачкали простыни.

Поначалу, правда, отец не желал оставлять семейство без того, что сам он называл «кулаковым окормлением». Но теперь за его спиной не стояла секта, и после первого же такого воспитательного визита Марат подстерег отца в коридоре и очень серьезно предупредил о последствиях повторного действия. Щуплый Вельшин-старший, привставая на цыпочки, сжимал кулаки и грозил земными и небесными карами так некстати подростку сын у, но в его глубоко утопленных глазах таился испуг.

Хоть комната и находилась в подвале, здесь было тепло, сухо, и младшим доставалось вдоволь нормальной еды с ку х-ни. Теперь все трое мирно спали на двух составленных рядом железных кроватях: брат и сестра, словно сытые щенята, свернулись калачиками и забились матери под бока. Вельшин привычно коснулся в полутьме ладонью лобиков малышей, проверяя, здоровы ли. Мать легонько заворочалась, не открывая глаз, и сиплым со сна шепотом произнесла:

– Кто там ходит во тьме? Изыди, нечистый, не тронь нас!

– Хорошо, мам.

У него теперь была собственная комната, дальше по коридору, но идти туда и торчать без сна до рассвета не было ни малейшего желания. И тут Марат очень кстати вспомнил просьбу Лиды проверить, как дела у Полины.

Без стука на ладонь приоткрыл дверь в комнат у, только чтобы оценить обстановку. На тумбе тускло светила под газетным колпаком настольная лампа. В дальнем углу кровати скорчилась, уткнула лицо в ладони полностью одетая девушка. Она миглом отреагировала на скрип двери, вскинулась и широко раскрыла рот. Пришлось врываться в комнату, пока не разоралась на весь этаж.

– Привет, не вопи, встречались сегодня! – зачастил Ворон. – Зашел глянуть, как ты тут. Попросили меня потому что...

– Кто попросил? – перебила Полина.

– Одноклассник твой, по имени Александр, помнишь такого? – На всякий случай перевел стрелки Марат. Лиду, учитывая обстоятельства, решил пока не вмешивать. – Мы с ним тут в одной компашке были, вот он и...

Девушка на упоминание об общем знакомом никак не прореагировала. Только сдернула с лампы газету и при свете внимательно оглядела Вельшина. А он тем временем – ее. Ничего не

скажешь, эта Полина была настоящей красавицей. Вот только портили общую картину опухшие красные глаза и затравленное выражение лица.

Выждав еще пару секунд – девушка молчала, – Марат начал отступать обратно к двери со словами:

– В общем, ты это... расслабься уже и прекращай трястись. К утру все наладится. Ты сможешь вернуться домой.

Глаза Полины широко распахнулись. Она переспросила дрогнувшим голосом:

– Домой? Все закончится?

– Ага.

– Их всех уничтожат?

– Кого? – не сообразил сразу Вельшин.

– Ну, этих... вечников. – Гадливая гримаска смяла лицо.

– Нет, Полин, думаю, не станут. Соберут они свои чемоданчики и свалят отсюда кто куда.

– Но... но так нельзя, – сжимая кулачки, залепетала девушка. – Они же настоящие чудовища, их нельзя так отпустить...

Марат раздраженно втянул через сжатые зубы воздух, нетерпеливо переступил с ноги на ногу:

– Слушай, девочка, это только в фильмах одна сторона обязательно побеждает другую, ясно? Вечники существовали всегда, но девяносто девять процентов обычных людей про них даже не слышали и никогда не услышат. И не все из них чудовища, уж поверь. Вот Лидка, например...

Напрасно он это сказал. Полина распрямилась со стремительностью туго сжатой пружины, выкатила глаза, заорала:

– Ну что Лидка?! Это из-за Весны я сюда попала! Я полувечница, ты знаешь! Меня в любой момент используют по назначению!

Она глухо зарыдала, зажимая руками рот.

– Да успокойся уже! – Терпение Марата явно перевалило за критическую линию. – Никто тебя не использует. Я такой же, как ты, кстати, так что нечего тут жертву изображать. Джулия ведь обещала тебя не трогать, верно? Ну и все, она нормальная девчонка, слово сдержит.

– Как ты можешь называть ее нормальной?! Общаться с ней?! Они же нелюди...

– Слушай, я и с тобой вот прям сейчас общаюсь! – легко переорал ее Вельшин. – А ты сегодня моего друга заложила этим самым нелюдям и прикончили бы его на раз, если бы Лидка не сообразила, как разрулить ситуацию!

Полина вскинула на него до невозможности испуганные и все равно прекрасные глаза:

– Я же не знала ничего! Меня просто использовали втемную, не объясняли ничего, не говорили... я боялась, из-за этих бумажек они озвереют и истребят всех людей во дворце.

– Ладно-ладно, успокойся, обошлось же, – моментально дал задний ход Ворон.

Девчонку было жалко. Легко быть героем, когда ты в теме, а когда ни сном, ни духом, что творится вокруг...

– В общем, постарайся до утра из комнаты не выходить, а утром все наладится, вот увидишь, – повторил он свое обещание, задом отступая за дверь. Когда прикрывал ее за собой, все равно в ушах стоял тихий и безнадежный плач Полины.

«И почему некоторые так трясутся за свою шкуру? – рассуждал Марат, шагая по пустому полутемному коридору. – Умереть – это проще всего. Куда легче, чем вечно дрожать от страха или закладывать других...»

В запале он проскочил дверь в свою комнату и оказался в полукруглом зальчике в центре коридора, откуда винтовая лестница вела в парадную часть дворца. Дубовая дверь надежно закрывала арочный проход, и все равно до Вельшина доносились отчетливые звуки бесшабашного веселья. Орала во всю мощь какая-то заводная музыка, ей вторил хор голосов.

Это было странно. Ведь сейчас по идее временные обитатели дворца должны были паковать чемоданы и заказывать билеты в разные точки мира. Или Креон сошел с ума и забыл, что значат сложенные ладонь к запястью руки его собственной дочери?

С этим необходимо было разобраться – и Вельшин рванул вверх по лестнице.

Тронный зал блистал и искрился всеми источниками света, которые когда-либо знало человечество. Таяли свечи в старинных канделябрах, пылал камин, светила низко спущенная люстра. Плюс ко всему какой-то чокнутый оформитель с нездоровым вкусом привесил к ней светящийся шар, создававший невероятное мельтешение цветowych бликов. По периметру зала были расставлены столики с закусками и обилием бутылок.

Толпа парней и девушек резвилась от души. Еще на подходе к залу Марат замедлил ход и пошел небыстрым размеренным шагом призванного полувечника. В дверях, подпирая плечами створки и чуть не сползая вниз, переговаривались невнятными голосами два молодых человека с бокалами в руках. Ворон попытался с ходу миновать их, но один из парней выставил вперед ног у, преграждая ему путь. Правда, это упражнение не прошло ему даром – он просто съехал по створке на пол и остался сидеть там, удивленно хихикая. А второй спросил, морща брезгливо полные влажные губы:

– Эй, куда собрался, смертный?

Марат интуитивно выбрал единственно правильный вариант поведения: почти уткнувшись подбородком в грудь, он тупо покачивался на пятках и ничего не отвечал.

– Па-анятно, еще один, – зашелся дурным смехом тот, что сидел на полу. – Наши девчонки веселятся от души. Ладно, иди, пацан, если повезет, до утра еще поживешь.

Второй поддержал приятеля глумливым гоготом, при этом сложился пополам и случайно выплеснул на Вельшина содержимое своего бокала. Марат, закусив от ярости губу, рванул в глубину зала. Там вписался в простенок, укрывшись между двух согбенных статуй.

Здесь никто не обращал на него внимания. Ворон же, стараясь поменьше шевелиться, глазами исследовал зал. Он искал Джулию, надеясь получить у нее информацию о происходящем. Ведь сегодняшняя ночь по всем показателям не тянула на праздничную, и уж особенно для обитателей дворца.

Но вечница на глаза не попадалась, зато он обнаружил Креона. Впечатавшись затылком в красный бархат трона, тот восседал недвижно, хмурым видом являя контраст безудержному веселью. Казалось, он мысленно рассуждает: стереть ли всех весельчаков с лица земли прямо сейчас или отложить этот замысел до лучших времен?

Черты лица заострились, он словно состарился после своего фиаско лет на десять, тяжелые веки давили на глаза, превращая их в узкие щели, в которых плясали багровые сполохи. Неподалеку жалась парочка слуг с подносами, не смея приблизиться к своему повелителю, но зорко ожидая от него малейшего знака. Их отупевшие, стертые страхом лица почти утратили человеческое выражение.

И вдруг Креон ожил на глазах, словно бы статуя в одночасье обрела кровь и плоть. Он резво вскочил на ноги, хлопнул в ладоши и что-то громко проговорил. И мгновенно все присутствующие подтянулись, толпясь, к тронному помосту и замерли с самыми почтительными минами на лицах. Даже совсем дошедшие до кондиции из-за обильных возлияний старались держать спину ровно и усердно тарасили глаза.

– Десять! – возгласил Креон.

– Девять! – ликующе подхватил зал на всех известных и неизвестных Вельшину языках. – Восемь! Семь! Шесть!.. Один! Ноль!!!

Дикие вопли и всеобщее перемещение в зале. Сметая все на своем пути, вечники бросились к окнам. Лишь Креон снова опустился на трон с видом человека, испытавшего огромное облегчение. В это время часы на башне Главного корпуса принялись торжественно отбивать двенадцать раз.

Сделал попытку приблизиться к окну и заинтригованный Вельшин, но хозяева дворца первыми позанимали все выгодные позиции. Напрасно он покинул свое укрытие. Пухленькая вечница с размазанной по щекам помадой вдруг подпрыгнула, обвила руками его шею и повисла на ней, пища в самое ухо с сильным акцентом:

– О! Малыш! Полувещик? Давай я выкупать тебя у твоего хозяина, дать ему что угодно! Я сохранить тебе жизнь, верить мне, рашен красавишк!

Ворон с проклятиями оторвал от шеи цепкие ручонки и понесся к выходу. Вечница возмущенно вопила ему вслед, вроде даже звала стражников, но ее писклявый голосок потонул во всеобщем ликовании.

Выбравшись из зала, Марат встряхнулся, как облитый помоями пес, и отправился на поиски Джулии. Местоположение ее комнаты он примерно представлял, так что это не заняло много времени. Верный себе, стучаться не стал, просто пихнул дверь носком ботинка.

Под пологом просторной кровати сидела вечница и выглядела почти такой же несчастной и испуганной, как Полина двумя этажами ниже. Одета была явно к празднику, в платье цвета запекшейся крови, с широкой юбкой и открытыми плечами. Подвитые волосы крупными кудрями обрамляли четкий овал лица. Но, смуглое от природы, сейчас это лицо казалось лужицей разлитой простокваши с двумя вкраплениями чернящих глаз, до предела распахнутых, словно девушка только что увидела наяву свой самый страшный кошмар.

В первый миг Ворону показалось, что просто Джулия изрядно набралась на балу и вынужденно взяла тайм-аут. Но, с трудом сфокусировав на нем взгляд, она проговорила совершенно трезвым голосом:

– Как смеешь врываться? Убирайся прочь! Фу, мерзость, от тебя воняет!

Вышло вяло и неубедительно, да Марат и в любом случае не сдвинулся бы с места.

– И тебе доброго вечера, Джулия! Ну да, вечный придурок вылил на меня свое пойло. Слушай, что тут вообще происходит? Вещички когда собираетесь паковать? До утра всего пара часов осталась.

Джулия дробно засмеялась абсолютно безрадостным смехом.

– А никто никуда и не уезжает, разве не ясно?

– Не понял. Ваш Креон совсем страх потерял, что ли?

Весна будет очень недовольна его поведением.

– В окно посмотри, идиот, – устало произнесла девушка, отворачиваясь к стене.

Вельшин с готовностью пересек комнат у, отогнул шелковые буфы занавесей и приник лбом к холодному стеклу. Поначалу показалось: все как обычно, к тому же в темноте деталей было не разобрать. Но он упрямо вглядывался во мрак, пока не привыкли глаза. И вот тогда в самом деле кое-что показалось ему странным.

Из этого окна должно было хорошо проглядываться здание вокзала, всегда ярко освещенное, а также огни дальнего микрорайона за железной дорогой. Но сейчас все тонуло во мраке, лишь пылали десятки костров по периметру плаца, сутились перед ними какие-то странно одетые фигуры.

Потом сквозь стекло он услышал глухой шум – вроде как от множества человеческих ног в тяжелой обуви – и вскоре увидел около сотни людей, следующих мимо дворца. А в арьергарде полз танк, оставляя в снегу за собой черную колею.

– Что там за чертовщина такая творится? – изумился Марат, во все глаза разглядывая железное чудовище. – По ваши души, что ли?

– Не по наши, – вяло отозвалась Джулия. – Просто мы сейчас в другом времени. Городок этот только что освободили от немцев, и в него входят ваши солдаты.

– Это шутка такая? – пробормотал парень, чувствуя, как перетекающий от стекла холод погружает в заморозку его конечности.

Вечница надменно хмыкнула:

– Ну, разве что для вас, смертных. Для нас это важный эксперимент по управлению временем, мы давно к нему готовились. К тому же у хозяина есть незаконченные дела в этом времени.

Это было сильно. Вельшин ощутил большое желание присесть куда-нибудь и не нашел лучшего места, чем просторная кровать. Джулия немедленно взбеленилась:

– Выметайся из моей комнаты, иначе я за себя не отвечаю!

Она показательно приложила ладонь к запястью, но уже в следующий момент бессильно уронила руки на роскошное шелковое покрывало, прикрыла глаза.

– Смотрю, тебе тоже совсем хреново, – пробормотал Вельшин. – Эй, чего случилось-то? Укачало от перемещения?

– Тебя не касается, смертный! Подумай лучше о своей подруге – вот кому бы я точно не позавидовала!

– Ты насчет Лидки, что ли? – насторожился парень. – С ней-то что не так?

– А то не так, что Калев пару часов назад покинул дворец. Конечно, что ему тут делать, не на кухню же разнорабочим наниматься? Теперь он начнет охоту на Лиду.

Ворон от такого предположения расплылся в широчайшей улыбке:

– Не, правда? И что он ей сможет сделать, интересно? Он теперь никто против нее. Обычный человек.

Джулия отреагировала странно: упала на подушки и закатилась истеричным смехом.

– Человек?! Да он и не был никогда человеком! Неужели ты не понимаешь, что все это не имеет ни малейшего значения? Можно обладать всеми талантами Книги и быть безобиднее ягненка. Калев же всегда был убийцей и садистом, а теперь Лида своим заклятием окончательно превратила его в чудовище. Да, ей самой он поначалу ничего не сможет сделать. Но он будет наносить удары по всем, кто ей близок, пока не добьется своей цели: не заставит Лиду вернуть ему его вечность. А уже после убьет и ее сам у, и ее друзей-вечников.

Марат вскочил на ноги и уже готов был броситься прочь из комнаты. Джулия, глядя на него снизу вверх, издевательски ухмыльнулась:

– Не спеши, отсюда тебе до нее не добраться, хоть в лепешку разбейся. Кстати, Калев уходил отсюда с подробным списком всех, кто дорог нашей Наследнице, и ты в нем занимал не последнее место. Так что радуйся, что вернулся во дворец, проживешь чуточку дольше. Ну, если повезет, конечно.

– А не ты ли помогала ему этот список составлять? – задыхаясь от ярости, едва выговорил Вельшин.

– Нет, не я. Нашлись другие доброжелатели. Отныне Лиде придется превращать в вечника любого, кто улыбнется ей на улице. Жаль, нельзя увидеть, как наша добрая девочка с этим справится.

Джулия еще что-то бормотала, но Марат уже не слышал – он ощутил необходимость как можно скорее выбраться на свежий воздух из вдруг ставшей очень душной комнаты.

Вельшин бегом спустился в вестибюль, толкнул сразу обе створки дубовой двери, которая не запиралась с появления во дворце новых обитателей – вечников. В пару прыжков преодолел порог.

Танковая колонна медленно уползала за поворот, слегка вибрировала земля под ногами. Ледяной воздух разом обжег лицо. Вдоль улицы, ведущей к вокзалу, пылали костры, ветер приносил оттуда запах тушенки, смех, надсадный кашель.

– Эй, парень!

Вельшин так увлекся созерцанием новой реальности, что и не заметил, как сам стал объектом пристального наблюдения. Там, где длинный Главный корпус переходил в квадратный Кухонный, укрывшись в углу от шквального ветра, два бойца как раз разводили свой костерок. Один, совсем мальчишка, худой и долговязый, сгребал в кучу какие-то щепы и ветки, от холода

руки его ходили ходуном. Другой был старше, в низко надвинутой на квадратный лоб рваной ушанке, квадратный, основательный. И он уже стоял напротив Марата, широко расставив ноги, ощупывал его с ног до головы цепким подозрительным взглядом. Потом заговорил:

– Ты чего, паренек, шляешься в развалинах? Не видал таблички «Заминировано»? Кто таков будешь? Местный?

– Ага, – кивнул Ворон, скосил глаза поочередно направо и налево: окна Арсенального и Кухонного каре дворца уютно светились апельсиновым теплым светом; но, похоже, усталый боец видел сейчас совсем другую картин у.

– Не «ага», а документики покажи, – набычился тот, пристально изучая одежду Марата. Второй, оставив попытки зажечь на ветру спичку, теперь тоже стоял рядом, обнимал винтовку обеими руками и всеми силами старался не трястись от холода.

Ворон машинально прощупал карманы пуховика, ничего не обнаружил, пожал плечами:

– Паспорт дома забыл. Могу принести.

И отступил на пару ступенек вверх.

– Стоять! – Боец сорвал с плеча винтовку. – Никаких дома. За мной следуй. В штабе разберутся, что ты за фрукт такой.

– Простите, в следующий раз, ладно? Дела у меня, – не переставал пятиться Вельшин.

– Товарищ сержант, вы только гляньте, как он одет, – протянул тонким голосом тощий боец.

На взгляд самого Марата, одет он был крайне заурядно: стального цвета пуховик, джинсы. Ботинки, правда, хорошие, итальянские: Нина Николаевна подарила на прошлый еще Новый год. Но Вельшин отлично создавал, какое впечатление производит его одежда на этих двух измученных солдат Красной армии.

– Да ведь это шпион, – присвистнул парнишка. – Или фриц переодетый. Что, фашистюга, не успел сбежать?

И тоже сорвал с плеча винтовку, направил прямо в живот Марат у. Сержант целился чуть выше.

– Ребят, да вы чего? – попытался улыбнуться им Ворон. – Свой я, русский, не видно? В смысле, не слышно?

– А ну шагай сюда, – распорядился сержант.

– Может, лучше сразу того? Чтоб наверняка? – заволновался молодой боец.

– Это успеется. Пусть в штабе с ним сперва побеседуют, а то нас же потом под трибунал за самоуправство.

Видя, что Марат замешкался, сержант начал карабкаться по обледелым ступенькам, глядя на парня неотрывно и не мигая, как смотрят на животное, к которому подбираются с веревочной петлей в руках. Вельшин сделал шаг назад, к дворцовым дверям, но молодой боец так дернулся вместе с винтовкой, что Марат застыл на месте. Умирать совсем уж глупо и бесцельно ему не хотелось.

На предпоследней ступеньке сержант примерился, выбросил вперед руку и намертво вцепился в запястье Вельшина. С силой дернул на себя, не удержался, начал соскальзывать с порога, утаскивая за собой Ворона.

И почти одновременно кто-то схватил Марата за свободную руку, дернул назад. Силы были примерно равны, и если бы Вельшин поджал ноги, то вполне мог зависнуть над ступеньками. Станным образом перетягивание происходило в полнейшем молчании. Молоденький боец какое-то время сутился, перебежал с места на место и старался навести прицел на того невидимого, кто был позади Марата, но быстро исчез из поля зрения. А мгновение спустя и сержант вдруг охнул и выпустил парня, схватившись за живот. Что с бойцом было дальше, Вельшин уже не увидел, поскольку его самого стремительно втащили в вестибюль дворца – и дверь захлопнулась.

Марат вскочил на ноги и только теперь оглянулся на своего спасителя. Перед ним стоял и хмурился раздраженно парень на пару лет старше его самого, небрежно одетый, с чудовищно изуродованной нижней частью лица. Парень рывкнул:

– Что тебя понесло на улиц у, идиот?! Жить надоело? В общем, впредь за порог даже не суйся и прочую обслугу предупреди, ясно?

– Рад стараться, – насмешливо процедил в ответ Ворон, даже руку шутовски приложил к голове. – Валерий.

– Откуда меня знаешь? – Вечник уже уходил, но замер на месте, внимательно оглядел Вельшина. – Не припомню, чтобы прежде встречались.

– Не встречались. А я вот зато о тебе наслышан. От наших с тобой общих друзей.

– Пошли! – коротко скомандовал Валерий, бросая тревожный взгляд в сторону парадной лестницы: оттуда доносились голоса и смех. Кажется, группа вечников решила совершить вылазку в ночной город. – Живо!

Марат даже не пошевелился. Валерий скривил свои страшные губы:

– Ладно, пойдем, пожалуйста.

Нырнув в боковой проход, они надежно укрылись от чужих глаз в нише между колоннами. И тут Валерий стремительным движением вжал Марата в стен у, спросил, слегка задыхаясь:

– С кем ты встречался? Ты вроде одноклассник Лидии, я припоминаю, что видел тебя у школы. Кого еще знаешь?

Марат хотел было освободиться, но смирился, потому как хорошо понимал, что сейчас испытывает этот странный парень. Он на его месте вел бы себя так же.

– Да всех знаю. Было время перезнакомиться, пока в городе черт знает что творилось. И Лазаря знаю. И Анн у.

– Как они? – Парень чуть не размазал его по стене от волнения. – Все живы? Где находились, пока город был закрыт?

– Дышать дай! – прохрипел Марат. Валерий моргнул, опомнился, уронил руки и отступил на шаг. – Анна все время оставалась в городе. Лазарь с Лидой сначала обитали в Питере, но потом сумели вернуться. Лидка даже жила здесь, во дворце, а друг твой каждый день работал с Книгой. Чего ж не пришел с ними повидаться, а?

Валерий молчал, что-то напряженно обдумывая. Потом ответил:

– Я не мог. Арсенальное каре было полностью изолировано от прочей части дворца. Ты ведь уже в курсе, что произошло?

– Ага, меня просветили.

– Значит, ребята остались там, в городе? – уточнил Валерий таким напряженным голосом, что Марат занервничал. Хотя, возможно, просто манера у парня такая, нервная.

– Ну да. Этот тип, Креон, пообещал, что к утру освободит город от морока. После того как Лидка... в общем, нашла на него управу. Я случайно сюда вернулся. Думал, они все свалят, а тут такое... Слушай, ты в курсе, что теперь будет, вернемся мы назад или нет? Эй, ты чего?

Валерий выглядел как человек, увидевший призрака. Жуткое и без того лицо приобрело зеленоватый оттенок, испарина обильно выступила на лбу. На Марата он больше не обращал внимания, потом и вовсе развернулся, чтобы уйти. Но Вельшин поймал его за плечо:

– Эй, давай выкладывай, в чем проблема?!

– Плохо дело, – пробормотал Валерий. – Им нельзя оставаться в городе.

– Ага, в курсе уже. Ты насчет Калеба?

– Кто таков? – мертвым голосом спросил Валерий.

– Ну, это такой типчик, убийца и садист. Чуть не прикончил Лазаря и моего друга. А Весна с ним нормально разобралась: превратила в простого смертного. Он покинул дворец до

скачка, собирается охотиться на Лидкиных друзей, пока не получит свою вечность обратно. Только, по-моему, гиблое дело он задумал...

– Замолчи! – хрипло рыкнул Валерий. – Я ничего не понимаю. Пойдем в мой кабинет, и расскажешь все с самого начала.

– Да без проблем, – пожал плечами Ворон.

В Арсенальном каре Марат оказался впервые, ожидал увидеть нечто из ряда вон – но ошибся. В целом эта часть дворца мало чем отличалась от соседней, разве что не было тут той броской роскоши, которой окружил себя Креон. Здесь все оставалось прежним, музейным, необжитым. Вдоль стен тянулись стенды с оружием разных эпох. Двери комнат плотно закрыты, в коридорах – ни души. Но Ворон пока вопросов не задавал: он тщательно обдумывал то, о чем должен рассказать Валерию.

Наконец вечник открыл одну из дверей, пропустил гостя вперед, придал ускорения, подтолкнув в спину. В другое время Марат бы вспылал, однако сейчас было не до того.

Комната, весьма просторная, с шестью огромными окнами, напоминала запасник этнографического музея. Повсюду на встроенных в стену открытых полках, на подоконнике и просто на полу были сложены предметы из разных эпох и культур вперемежку с загадочными механизмами, уже отчасти знакомыми Ворону. Единственный пяточок, свободный от вещей, находился прямо у двери. Здесь огромный стол наподобие того, что в Кухонном каре служил обеденным, был завален бумагами, приборами, остатками трапез. Сбоку притулилась шахматная доска с забытой партией, густо покрытая пылью.

Был здесь и камин, парадный, мраморный, в нем еще догорали угли. В углу стоял топчан со смятым бельем и наваленной сверху одеждой. Видно было, что хозяин не утруждал себя уборкой. Впрочем, Ворона это совсем не волновало, и комнату он обвел блуждающим тревожным взглядом, фиксируя картинку лишь сознанием, без всяких мыслей. Слишком он был встревожен. И едва Валерий плотно запер двустворчатую дверь, Марат начал рассказывать обо всем, что происходило в городе.

Валерий неподвижно стоял в дверной нише, словно статуя, искалеченная вандалами, и впитывал каждое слово. Наконец Марат почти дословно передал разговор с Джулией и умолк. Потом все же напомнил:

– Твоя очередь. Что там насчет города? Если ты не знал о Калебе...

– К черту твоего Калеба! Все гораздо хуже.

– А конкретней?

– Конкретней, город очень скоро перестанет существовать.

– Что? – прошептал Вельшин, отступая и ища точку опоры из-за внезапной слабости в коленях. – Как?

– Вот так! Станет пылью в результате чудовищного взрыва, повторит судьбу Шаргаима.

Валерий, ступая тяжело, проследовал к своему стулу. Марат, не чувствуя сил добраться до посадочного места, сполз по стене на корточки. Вечник отыскал на доске запыленного короля, накрыл его стаканом. И заговорил:

– То, что произошло с Шаргаимом, не было связано с похищением Книги и смятением его обитателей. В городе был осуществлен один из первых экспериментов по перемещению во времени. Взрыв – его побочный эффект.

– Поясни.

– Легко. Представь, что фигура короля – это дворец. Стакан – город. Он накрыт сейчас такой вот невидимой сферой. Дворец живет за счет энергии, которую черпает из этой сферы. Доит город, как корову. Когда выдоит до конца, произойдет взрыв. Как в медном шаре, из которого выкачали воздух, учили вас на физике? Понимаешь?

– Н-не уверен...

– Ладно. Думаешь, ты сейчас в другом времени находишься? Вместе с дворцом, запасами питания и даже электроэнергией, которой нет во всем городе? Нет, ты все еще в своем времени, по крайней мере, пока не покинул дворец. Представь себе воздушный шарик. Внутри шарика – настоящее, снаружи – прошлое. В одном месте шарик зашипнули с силой и тянут в сторону: так вот это наш дворец. В другом, напротив, с силой вдавили внутрь, поэтому жители города видят сейчас дворец ровнехонько из сорок второго года. Долго шар выдержит такое? Недолго. Взорвется ко всем чертям.

– А дворец? – едва мог спросить Ворон.

– В том времени взлетит на воздух вместе с городом, в этом – уцелеет. Но ненадолго. Без подпитки он просто схлопнется, станет непригодным для жизни через пару-тройку дней. Конечно, вечники к тому времени покинут его.

– А там, в нашем времени? Вечники тоже погибнут? Или только люди?

Валерий коротко кивнул:

– Да, это будет приравнено к убийству одних вечников другими. В Шаргаиме погибли все.

– А когда... когда это произойдет? – перебил его Вельшин.

– Скоро, – тускло отозвался Валерий. – Мне как раз было поручено подсчитать время, чтобы вовремя эвакуироваться. И получается, что осталось недели три. Точнее, увы, рассчитать не удалось.

Некоторое время в комнате стояла тишина. Двое парней, едва знакомых, с одинаковым отчаянием на лицах молча смотрели друг на друга. Потом Марат расклеил слипшиеся губы и сказал:

– Мы должны все сделать... возможное и невозможное, чтобы предупредить ребят. Ты обмозговываешь варианты, я на подхвате, высчитываю, что надо, и так далее. Давай, время пошло.

– Раскомандовался! – ухмыльнулся Валерий. – Умеет Лида подбирать себе друзей.

– А то! Слушай, я еще хотел спросить... у друга моего отец пропал, изобретатель. Здесь, в Арсенальном, люди тоже работают?

Валерий помотал головой:

– Нет, я только вечников видел. Из людей тут только обслуга.

– Понял. – Ворон до скрипа сжал зубы и отвернулся, но уже через секунду взял себя в руки. Некогда было скорбеть.

Валерий вручил Марату целую стопку бумаг, велел проверять расчеты. Несколько раз какая-то женщина приносила на подносе еду, но Ворон не смог бы ответить на вопрос, была она девушкой или старухой. Лишь когда часы на дворцовой башне отбили шесть часов утра, Валерий с трудом разогнул спину и сказал:

– Все. Отдыхаем. Завтра нам потребуются свежие головы.

– Я не устал, – запротестовал Ворон.

– А я выдохся. Не понимаю даже, в правильном ли направлении мы движемся. Хочешь, занимай кушетку, а я себе кресло разгребу.

– Не, я в Главный корпус, – помотал оцепеневшей шеей Вельшин. – У меня семья там.

– Понятно.

Валерий, склонившись над столешницей, стремительно начертил что-то на листке бумаги, протянул парню.

– Вот тебе пропуск, на всякий случай. Дорогу запомнил? Приходи, как выспишься.

– Ага. Ну все, пошел я.

– Бывай!

Марат, покачиваясь от усталости, уже добрал до дверей, когда нечто вроде покашливания за спиной заставило его оглянуться. Валерий застыл в нелепой позе посреди комнаты, раскачивался с пятки на носок и обратно.

– Ну? – поторопил его Вельшин.

– Спросить хотел. Ты с девушкой... ну, с Анной общался хоть немного?

– Пересекались. – Ворон и сам не узнал своего голоса.

– И что она... в порядке?

И такое что-то было в его голосе, что у далекого от сентиментальности Ворона на миг перехватило дыхание. И он сказал:

– Она здорово за тебя переживала. Особенно пока мы думали, что ты на дне где-то отмокаешь.

И рванул прочь из комнаты.

Глава 3

КОГДА РЕАЛЬНОСТЬ СТРАШНЕЕ СНОВ

Ночью Лиде приснился кошмар. Странное дело, но подобного не случалось, пока она жила в замороженном городе и едва ли не каждый день попадала в переделки. Даже после лабиринта, когда она думала, что Сашка погиб, сны снились на удивление светлые, в них все были вместе, а опасности остались позади. Но вот немного расслабилась и...

Во сне Лида брела в полутьме по смутно знакомой улице. Вроде бы это была та самая улица, что вела мимо ее дома к богатой части поселка. Подкашивались ноги и слипались глаза, как будто девушку выдернули глубокой ночью из постели и выставили на холод. И лишь раздутая синюшная луна освещала ей путь.

Дом остался где-то позади, и Лиде ужасно хотелось вернуться туда, укрыться от страшной луны, заползти к маме в постель и проспать рядом с ней, как в детстве, до самого утра. Но непостижимая сила гнала ее вперед, прямо по лужам, в темноту.

Фонари, впрочем, горели, но чрезвычайно тускло, в четверть силы. Вот и улица, на которой живет Алеша. Дома темные, все спят. Но нет, не все: в конце улицы явно что-то происходит. Кто-то лежит посреди дороги, ребенок или подросток, не разобрать. Темная фигура носится кругами, зовет, бьется в ворота домов. Лида ускорила шаг.

Фигура заметила ее, метнулась навстречу, впилась руками в плечи. Это была незнакомая женщина, вместо лица – сплошная маска ужаса.

– Помоги мне! – крикнула женщина. – Спаси его!

Лида машинально зашарила руками по одежде в поисках мобильного. Но одежда оказалась какая-то странная: лохмотья без намека на карманы. Женщина тащила ее вперед, к тому, кто лежал на земле.

– Пойдем же, скорее!

– Но я не врач! Лучше мне сбегать за помощью! – вскричала Лида и не узнала своего голоса. Сухой, старческий, он напугал ее больше всего происходящего. Лида оттолкнула руки женщины, лихорадочно ощупала лицо, голову. Волосы оказались неожиданно длинными, до пояса, девушка поднесла прядь к глазам, ахнула – она была пепельно-серой.

От ужаса Лида проснулась.

Но пробуждение принесло облегчение лишь в первые секунды. С колотящимся сердцем Лида сползла с кровати, оперлась руками на спинку, чувствуя приступ тошноты. Ужас парализовал ее.

«А вдруг это правда? Наследники впоследствии становятся теми, кто дарует бессмертие умирающим детям. Лазарь ведь намекал, что мы лишь по незнанию называем старуху смертью. А про Наследников никто ничего толком не знает. Вдруг мне суждено жить вечно, но не юной, как ребята, а ужасной старухой? И у меня не будет никакого выбора? Нет, только не это!»

В панике она схватила телефон и убежала с ним на кухню. Руки тряслись так, что мобильник дважды падал на линолеум. Наконец ей удалось набрать номер Лазаря. Но механический голос поведал ей на английском, что абонент недоступен. Набрала Анну – тот же результат.

Недоумевая и еще больше испугавшись, Лида скорчилась на табуретке, прижала холодные ладони к пылающему лбу. В Нью-Йорке сейчас разгар дня. Лазарь перед отлетом подчеркнул, что они постоянно будут на связи, хотя бы один из них – наверняка. И всего пару часов назад она разговаривала с ним, рассказала о первом школьном дне, о мираже в парке. Лазарь в ответ сообщил, что они прибудут буквально через пару дней, как только закончат все дела.

Лида не вдавалась в детали, но уловила, что ребята разделились и сейчас находятся в разных штатах. И вот – оба недоступны...

Холод заставил отлипнуть от табуретки. Лида подошла к окну: так и есть, приоткрыто на целую ладонь, мать вечно проветривает кухню и забывает закрыть раму на шпингалет. На подоконнике уже вырос небольшой сугроб. Закрыв окно и включив газ, чтобы согреть выстуженное помещение, девушка снова и снова набирала два заветных номера. А через час настолько обессилела, что уронила голову на столешницу и отключилась.

Разбудил ее сигнал будки в телефоне. Первая мысль была – добраться до кровати и заново провалиться в сон, чтобы ни о чем не думать. Но в комнате уже возилась Вера, со второго этажа звала и громко кашляла тетка. И Лида решила не нервировать близких своим бледным видом, как могла, взбодрилась, даже похлопала себя по щекам для румянца. Сбежала к тетке – той срочно понадобилось полоскание для горла и тазик. Наотрез отказалась завтракать, соврав матери, что уже пила чай с бутербродом. Натянула на себя первое, что под руку попало, и выскользнула из дома.

Ватное небо набухло так, что провисло едва не до земли, было ясно, что скоро начнется затяжной снегопад. Ветер вроде бы не сильный, но сырой и въедливый, моментально нырнул под одежду. Низко наклонив голову, девушка почти бегом рванула в сторону вокзала, на остановку автобуса. Парк в такую погоду больше не манил ее.

– Лида!

Она тормознула и обернулась: у ворот стоял Алексей. Ухмылялся и покачивал головой, видимо, выражая свое удивление ее столь стремительным пробегом. Потом мигом оказался рядом, поздоровался, бодро улыбаясь.

– Привет, – сирым после тяжелой ночи голосом отозвалась Лида. Мысленно прикидывая, насколько плохо и бледно она выглядит. – Ты чего здесь?

– Весна, мы живем в одном поселке. Почему бы нам вместе не пройтись до школы?

– Потому что ты не хочешь со мной встречаться.

– Гнусный поклев! Мне по душе твоя компания.

– Прекрати, ты же знаешь, о чем я! – рявкнула девушка. Санин сделался чуточку серьезней.

– Слушай, но дружбу между нами ведь никто не отменял? Да еще и боевую. А остальные вопросы можно обсудить и потом.

– Это когда же?

– Давай для начала решим более насущные проблемы, – растерял свое веселье Алексей.

Лида со вздохом взяла его под руку. И вдруг обратила внимание, что ботинки Санина, всегда безукоризненно начищенные, на этот раз выглядят скверно. Брючины до середины голени заляпаны уже застывшей грязью. Этого не могло произойти, если бы он пришел сюда из дома.

– Эй, а ты где гулял этой ночью? Колись!

– Ходил к дворцу, – не стал темнить Алеша. – Не ночью, на рассвете уже пошел. В общем, мне удалось заснять то окно, в котором возникают вспышки. В темноте видно, что они пульсируют, вроде кто-то сигнал подает.

– Покажешь? – ахнула Лида.

– Ага. Я сразу скинул запись Лазарю, пусть разбирается.

– Что? – Лида резко тормознула, подняв каблуками фонтан грязевых брызг. – И он был доступен? Ответил тебе?

– Да, поблагодарил эсэмэской за информацию. А ты чего так переполошилась?

– Да так, неважно. Домой больше не ходил?

– Не-а, сидел в кафе, пытался расшифровать сигнал с помощью азбуки Морзе. Но только или я такой тупой, или это не морзянка. В общем, у меня не сложилось. Но ничего, Лазарь разберется, что да как.

– Я не могу до них дозвониться, – выдохнула Лида, не в силах больше держать в себе тревогу за друзей. – Они обещали быть на связи, и вдруг оба куда-то запропастились.

Глаза защипало, сорвался голос. Санин обнял за талию, на ходу прижал к себе.

– Эй, да ты чего? Мало ли какие могут быть обстоятельства, по которым им пришлось выключить телефоны. Или попросту разрядились. Сама подумай, что с ребятами может случиться?

– Но они даже не вместе там, в Америке. Что за странное совпадение?

Слезы застилали глаза такой прочной пеленой, что Лида двигалась вперед словно слепая, опираясь на надежную руку проводника. Немного проморгавшись, Лида глянула вокруг и застонала от боли в сердце. Они как раз стояли на мост у, по иронии судьбы в том самом месте, где когда-то девушка впервые увидела своих друзей. А ведь хотела же пойти на автобус! Продолжать путь не стало ни малейшего желания.

– Ты иди, – сказала она. – А я лучше погуляю где-нибудь. Все равно учиться не смог у, буду только номера под партой набирать.

Но Санин решительно увлек ее за собой со словами:

– Давай все же дойдем до школы. Мила дружит с Анной, она может что-то знать. Вдруг они созванивались?

Об этом Лида не подумала, поэтому без препирательств ускорила шаг. Да, в такой ситуации им стоит держаться вместе, неизвестно, кто первый получит известия.

Четверть часа спустя они подошли к школе – и Лида взвизгнула от радости. Потому что сразу увидела Лазаря, который традиционно возвышался над всеми во дворе. Сейчас он стоял к ней спиной и разговаривал с Милой, склонившись над ней, как над ребенком. Секунду спустя Лида уже повисла на шее друга, не забыв предварительно стукнуть его кулаком по спине.

– Я чуть с ума не сошла! Ну почему вы не отвечаете на звонки?!

– Прости, Лидуся, были в самолете. – Вроде бы обычный его голос, но что-то заставило Лиду пристальней взглянуть на друга. И прочесть на его лице усталость и мучительную тревогу.

– Что случилось? – пробормотала она, машинально прижимая руки к груди. – Что-то с Анной?

– С Анной все в полном порядке, – заверил ее профессор. – Я высадил ее у дома с вещами, а сам поехал сюда. Не хотите ли прямо сейчас отправиться к нам?

– И прогулять уроки? – уточнила Лида. Сердце колотилось все тревожней: Лазарь не стал бы по пустякам нарушать школьную дисциплину.

– Можно и после занятий.

– Нет, пожалуй, лучше сейчас, – сориентировалась Мила. И метнула на Лиду понимающий взгляд: она тоже почувствовала неладное. Переполненные недобрыми предчувствиями, они даже не разговаривали в те минуты, что заняла поездка от школы до дома на въезде.

Квартира сияла чистотой, пахло кофе и ванилью. Анна, выскользнув из ванной с полотенечной чалмой на голове, расцеловала гостей и пообещала скорый завтрак. Но Лида успела заметить, как она метнула вопросительный взгляд на Лазаря, и он тут же сказал:

– Предлагаю сначала пообщаться в гостиной. Мы должны сообщить вам нечто важное.

– Догадались уже, – невесело усмехнулся Алексей.

– Я сейчас свихнусь от волнения, – поддержала его Лида.

– Да, в таких вещах тянуть не стоит, – согласился Лазарь, жестом предлагая ребятам занять диван. – В общем, суть такова: в ближайшее время вы должны покинуть этот город вместе с семьями.

– Почему?! – ахнула Мила, прижимая ладошки к щекам.

– Я расшифровал послание, которое ты мне скинул. – Профессор кивнул Санину. – Оно действительно от Валерия, хотя я не слишком понимаю, каким непостижимым способом он сумел его передать.

– Это азбука Морзе?

– Не совсем. Схожий принцип, однако это особый сигнал, известный только Валерию, Анне и мне. Мы разработали его пару лет назад на всякий пожарный случай, когда начались нападения на вечников. Он сообщил, что примерно через две недели город взлетит на воздух. Подробности не знаю. Но раз Валерий передал, значит, это случится.

Несколько минут никто не мог вымолвить ни слова. Лишь слышно было, как звякает посудой на кухне Анна. Потом заговорил Санин:

– Но лично я не покину город, пока здесь остается хоть один человек.

Мила коротко и быстро закивала – похоже, говорить она была не в силах. Лида не нашла в себе сил даже на кивок.

– Я знал, что вы так скажете, – невозмутимо произнес Лазарь. – Значит, нужно придумать, как сделать так, чтобы в городе не осталось ни одной живой души.

– Да, и вот еще, – продолжал он, поскольку молчание затягивалось. – Валерий передал, что Марат с ним.

Мила тихонько вскрикнула, Санин от волнения даже подскочил с дивана.

– И я от души рад том у, что они там приглядят друг за дружкой, – подытожил профессор.

Подавать информацию Лазарь был мастер: после его слов о Марате первая часть сообщения уже не казалась такой чудовищной. Все даже согласились позавтракать за компанию. За столом к обсуждению проблемы не возвращались, чему Лида была очень рада. Она понимала, что не в состоянии предложить ни единого варианта для ее решения. Оставалось традиционно рассчитывать на более опытных друзей.

После кофе ребята решительно отвергли предложение Лазаря развезти всех по домам: достаточно было глянуть на лица хозяев квартиры, чтобы как можно скорее оставить их в покое. Все вместе выкатились во двор и остановились там под прикрытием развесистого старого дерева, ошеломленно глядя друг на друга. Никто не начинал разговор первым.

Лида грустно сознавала, что ребятам гораздо тяжелее, чем ей: в этом городе они прожили много лет, Мила так и вовсе с самого рождения. Здесь была их жизнь, их воспоминания, сотни знакомых.

Мимо проходили люди, спешили к торговому корпусу, недавно только отстроенному на самом въезде в город. У каждого были свои заботы, приятные и не слишком, были планы, задумки. И никто не догадывался, что скоро их жизнь роковым образом изменится. И многие из них никогда уже не сумеют вернуться к нормальному существованию.

– Кажется, мне напрочь отказала фантазия, – виновато прошептала Мила. – Я ничего не могу придумать.

– Я тоже, – с облегчением поддержала подругу Лида.

– Думаю, никто от нас этого и не ждет, – подметил Алексей. – Могу поспорить, что у Лазаря уже есть план. Нас просто предупредили заранее, чтобы пообвыкли с этой мыслью. И были готовы в нужный момент.

– Может быть, Валерий и Марат как-нибудь сумеют спасти город? – с наивной надеждой в голосе предположила Журавка.

– Может, конечно. Ну что, куда дальше? – спросил Санин. Мила глянула на часы и заторопилась.

– Ой, уроки закончились! Я обещала родителям, что сразу домой.

– Они не работают пока? – поинтересовалась Лида.

– Нет, болеют оба. Папа целый месяц жил в машине, застудил спин у, и у мамы какая-то бесконечная простуда.

– Скоро все наладится... – машинально произнесла Лида, но замолчала и мучительно покраснела, сообразив, что несет полную чушь, – не наладится, а станет в разы хуже.

– И моя болеет, – поспешил сказать Санин. – Сейчас вот нужно в аптеку за лекарствами забежать. Лид, составишь компанию?

Но девушка покачала головой. Ей хотелось остаться одной и хорошенько все обдумать. Хватит вечно хвататься за друзей, пора взрослеть.

Правда, на проспект вышли все вместе – им было по пути. Влились в непрерывный поток людей и услышали за спиной оклик:

– Ребята! Пойдите!

Голос не был Лиде знаком, и она инстинктивно приготовилась защищать друзей. В тот же момент Санин задвинул обеих девушек себе за спин у. Спешащего к ним сквозь толпу мужчину они встретили сплоченной боевой группой. Тогда как это оказался всего-навсего их новый классный руководитель.

– Здравствуйте, э-э... – Санин быстро глянул на Милу.

– Тимур Саевич, – одними губами подсказала Журавка.

– Здравствуйте, Тимур Саевич!

– Здравствуйте-здоровствуйте, – ответил учитель, останавливаясь напротив них и окидывая ребят веселым взглядом. – А я вот заметил, что в классе у меня сегодня кого-то не хватает, две парты практически пустуют. Что скажете на это?

– Простите, так получилось, – залепетала Мила. – Мы шли в школу, вот. – Она продемонстрировала раздутую сумку на плече. – Но потом встретили одного нашего друга – он уже не учится – и узнали, что ему срочно нужна наша помощь...

– И что же?

– Что?

– Помогли вы вашему другу у?

– А, конечно!

– И я могу надеяться завтра увидеть вас в школе?

– Да-да! – мелко закивала Журавка.

Лида изумленно скосила глаза на подругу: ну какая сейчас школа. Ей стало горько от мысли, что больше не нужно бояться учителей, врать им во избежание проблем. Может, Журавка этого еще не осознала?

И вдруг девушка ощутила нечто странное. Учитель обсуждал что-то с ребятами, на нее даже не смотрел – а ей казалось, что всем своим существом он настроен именно на нее, ловит каждый ее вздох. Словно невидимые путы связали их в одно существо, и ему не надо смотреть на девушку, чтобы чувствовать ее... Наваждение было таким сильным, что она даже помотала головой.

Когда распрощались и разошлись в разные стороны, Мила сказала:

– И не строгий совсем. Ох, съедят его в школе.

– Но уже не в нашей, – мрачно подытожил Санин.

Лида почему-то разозлилась на него: зачем смаковать то, о чем хотелось бы забыть? Вслух же сказала:

– Ты, Мил, в самом деле собираешься ходить в школу? Или научилась врать наконец?

Получилось резче, чем хотелось бы. Вот и подруга растерялась, замешкалась с ответом. Вместо нее ответил Санин:

– А знаешь, я тоже завтра пойду в школу. И тебе советую. Может, все еще обойдется, а репутацию себе испортим. А главное, мы пока здесь под мороком жили, поняли, что школа все же лучше, чем сиднем сидеть и пытаться найти выход. Ну, на уроках и идеи как-то лучше в голову приходят.

– Ладно, тогда встречаемся в школе, – кивнула Лида, глянув на нервно переступающую с ноги на ногу Журавку. – Все, расходимся, до завтра!

Еще где-то с час Лида бесцельно бродила по парку, мрачном у, размокшем у, растерявшему свои цвета и похожему на черно-белую фотографию. Долго рассматривала холм, на котором они таким странным образом видели Джулию. Потом все так же нога за ногу приблизилась к своему дому.

Еще на подходе увидела мать: Вера стояла в открытой калитке, озираясь с такой тревогой, что Лида рванула к ней на всех парах.

«О, нет, что еще произошло?»

– Лидочка! – Вера крепко обняла дочь. – Ну где ты пропадаешь? Я с ума тут схожу!

– Мам, ты что? – вытаращила на нее глаза Лида. – Занятия полчаса как закончились!

Мелькнула мыслишка: не стукнул ли кто из школы, что она сегодня там даже не появилась?

– Все равно я очень волновалась, – все еще тяжело переводя дыхание, быстро заговорила женщина. – Сегодня звонил Юрий Борисович. Не забыла еще нашего доброго доктора? И знаешь, он рассказывает страшные вещи. Я бы не поверила слухам, но у него же двоюродный брат вроде работает в полиции. Так вот, он рассказал, что в Питере и области пропадают подростки. Статистика уже превысила все мыслимые показатели! И так странно это происходит, Лид: они просто уходят, как будто спешат куда-то, можешь себе вообразить?

Лида, видевшая подобное собственными глазами, очень даже могла – но промолчала конечно. Холодок пробежал по спине, сбилось дыхание: как, как остановить этот кошмар?

– И больше их не находят. А раньше хотя бы находили, но уже... не живых, в общем. Теперь – нет. Представляешь, какой ужас: никогда не узнать, что произошло с твоим ребенком? Лида, я своей материнской волей освобождаю тебя от школы, магазинов и всего-всего. Сиди лучше дома, пока не поймают похитителей.

«Только их никогда не поймают».

– Да ничего со мной не случится, – попыталась она успокоить мать. – Если это какой-то гипноз, то я ему не подвержена, проверено на питерских цыганках. Пойдем в дом, а то еще простынешь.

– Ты иди, – бледно улыбнулась в ответ Вера. – А я постою еще, Музу дождусь.

– А где она?

– Да вот вроде как оклемалась, пошла до магазина воздухом подышать, заодно и Славика с собой взяла. И оба запропали куда-то.

Вера бросила озабоченный взгляд на часы.

– Хочешь, сбегаю погляжу, где они?

– Еще чего! – Вера для надежности вцепилась в рукав ее куртки. – Иди, обед грей. Или нет, лучше со мной постой.

Кажется, мать была твердо настроена больше ни на секунду не терять дочку из виду.

В этот момент в конце улицы показалась тетка Муза. Она почти бежала, тяжело переваливаясь на коротких толстых ножках. Руки притиснуты к груди, глаза вперены в дом.

– Ох, что-то случилось... – пробормотала Вера.

А тетка уже была рядом, но не могла вымолвить ни слова, только тяжело отдувалась и вытягивала шею, пытаясь через их головы заглянуть во двор. Потом пропыхтела:

– Славичек... вернулся?

– Нет, тетя, – быстро произнесла Лида.

– В полицию... в полицию звоните! – взвыла обезумевшая тетка. – На минутку только оставила его у магазина, чтобы чужими микробами не дышал... Увели, увели!

– Муз, да не пошел бы он с чужим, – бормотала Вера, шаря по карманам в поисках телефона. И не замечала, что Лида уже набирает экстренный номер.

Глава 4

ЗАГАДОЧНАЯ ПЕРСОНА

На рассвете вломился в комнату отец и растолкал Марата самым грубым образом. Ворон, взбешенный, соскочил с кровати, намереваясь напомнить родителю, что удар у него поставлен куда лучше. Но бледное и мокрое от испарины лицо Вельшина-старшего удивило и остановило.

– Ну, что еще случилось?

– Одевайся! – давая петуха на каждом слове, завопил отец. – Живо!

– Чего это вдруг?

– Поговори мне! Хозяин желает тебя видеть!

– Дудки, нет у меня хозяев, – отрезал Марат и сделал вид, что собирается снова завалиться в постель. Да и не помешало бы: тело ломило, как в начале серьезной болезни, перед глазами все плыло. Вельшин болел крайне редко и теперь с удивлением прислушивался к своему поганому состоянию.

– Молчи, паразит! Что ты сотворил такого, что господин Креон желает лично говорить с тобой?!

Ворон задумался, с неудовольствием ощущая, как скачет в груди сердце. В самом деле что? И неужели он испугался этого гада? Потом спросил:

– Отец, ты в самом деле думаешь, что он собирается сделать мне втык за плохое поведение? Вечники теперь занялись воспитанием людей?

– Но что же тогда, что?! – Старший Вельшин заметался по тесной комнате, сшибая стулья. – Хозяин не имеет дел со смертными, у него и со своими-то разговор короткий.

Последнюю фразу он произнес, помимо страха, еще и с восторженным уважением к крутизне Креона. Марата замутило, вот только от отвращения, страха или от общего болезненного состояния – не разобрать. Чтобы не оттягивать неприятный момент, рывком сунул ноги в джинсы, влез в свитер. И пошел к двери. Отец трусил рядом, кажется, собирался проводить до комнаты Креона.

– Ты того, на других-то грех свой не перекладывай, если подставишь меня – шкуру спушу. Если не с тебя, то...

Тут Ворон развернулся на пятках и зыркнул на отца с такой ненавистью, что тот поспешил убраться из комнаты. Оставшись один, Марат присел на край кровати, чтобы совладать с приступом головокружения. Что-то голубело в метре от него на бетонном полу. Ворон, побряхтывая, ногой подтянул к себе непонятную вещицу, взял в руки. Это оказалась всего лишь изорванная бахила, непонятно как оказавшаяся в комнате. Парень отшвырнул ее, с натугой поднялся и вышел из комнаты.

Двойные позолоченные двери в покои главы вечников были слегка приоткрыты. Марат сразу для себя решил, что правила приличия будут не к месту, поэтому просто толкнул обе створки руками и ступил в комнату с самым непринужденным видом.

Креон развалился в кресле у окна и рассматривал что-то на плацу. Мгновение спустя он перевел тяжелый взгляд на парня, молча смерил с головы до ног, словно прикидывал, на что он может сгодиться. И продолжал молчать. Ворон, не дождавшись приглашения, плюхнулся в ближайшее кресло. Вечник усмехнулся, словно давая понять, что знает цену этой браваде.

– Тебе известно, мальчик, – неторопливо заговорил Креон, – что это место – не курорт для простых смертных. Здесь каждый дол жен трудиться, отрабатывать свое проживание. Твой отец – да, трудится, не скажу, чтобы на совесть, но хотя бы из страха. А что насчет тебя?

Марат только плечами пожал. Он был далек от мысли, что Креон всерьез озадачен его трудоустройством, и просто ждал, когда тот доберется до сути. А тот не спешил. Несколько раз Ворон ловил на себе очень странный взгляд, и это ему совсем не нравилось.

– Мне доложили, что ты исхитрился сблизиться с нашим гениальным уродцем, – продолжал Креон, и голос его напомнил Ворону шум морских волн: то накатывает, то замирает. – Думаю, все дело в общих друзьях, поскольку до тебя никому не удавалось завоевать его расположение. Да раньше этого и не требовалось: у меня всегда были под рукой нужные рычаги воздействия. Но теперь, когда его друзья оказались далеко, я, честно признаться, уже начал волноваться: а смогу ли и дальше удерживать его в узде? Поэтому я рад вашей зарождающейся дружбе. Мне позарез нужен кто-то, через кого я смогу воздействовать на этого бунтаря.

Марат хмыкнул, воззрился на Креона с искренним недоумением:

– Я? Да ладно! Думаете, он за пару встреч так уж ко мне привязался? Да я вообще парням редко нравлюсь, скорее, наоборот!

Креон выслушал невозмутимо, презрительная улыбка тронула его губы:

– Но ты ведь постарайся стать ему лучшим другом, не так ли? У тебя-то есть кого терять, даже за вычетом твоего никчемного папаша.

На этот раз Ворон не нашелся с ответом. Да, все так и было. А Креон продолжал:

– Заметь, я не предлагаю тебе ничего дурного. Не прошу даже следить и доносить, зачем? В этом дворце полно свободных ушей, я и так знаю каждый его вздох. Хотя, полагаю, именно эту версию тебе стоит озвучить при вашей новой встрече.

– Что? – вскинулся Вельшин. Он слегка потерял нить разговора. – Зачем это?

– Ну, как же. Он ведь узнает, что ты побывал у меня, слухи по дворцу разносятся мгновенно. И наверняка спросит, по какому поводу. Ты расскажешь, что я вынудил тебя стучать на него, вы вместе продумаете стратегию и прикинете, какую информацию ты мне будешь якобы сливать. Эти прикидки еще больше сблизят вас. И мы оба получим то, что нам нужно. Твоя мать не пополнит ряды некров, а младшим брату и сестре не придется познать жизнь сирот военного времени. Ты понял меня? Можешь идти.

Марат на мгновение оцепенел, терзаясь желанием броситься на самодовольно усмехающегося Креона. Но усилием воли взял себя в руки, встал и отыгрался на кресле, далеко отшвырнув его ногой.

Всю дорогу в Арсенальный корпус Вельшина мучила мысль, что Креон позвал его вовсе не для этого разговора.

На лестнице он вдруг услышал окрик:

– Постой!

Обернулся. Какая-то незнакомая девушка внимательно наблюдала за ним из-за колонны. Судя по вскинутому подбородку и прямому взгляду – вечница, смертные тут поголовно глаз не смеют поднять. Ворон вовсе не планировал исполнять какое-нибудь поручение типа смотаться за кофе, поэтому только ускорил шаг, собираясь сбежать вниз по лестнице. Но девушка снова крикнула:

– Подожди же! Марат! Я искала тебя!

Озадаченный, подошел ближе – и только тогда узнал Полин у. Но как она изменилась за последние пару дней! Исчез жалкий, затравленный вид, теперь девушка смотрела почти спокойно, держалась прямо. Краем сознания Вельшин подметил, что так она стала еще красивей.

– Чего тебе?

– Я тебя искала, – повторила Полина.

– Да понял уже! Зачем?

– А кого еще? – задала странный вопрос девушка. – Ты ведь уже знаешь, что с нами случилось!

– Да, перенеслись на семьдесят лет в прошлое! – нетерпеливо рявкнул парень. – От меня чего надо?

– Знаешь, когда я все это поняла, мне вдруг перестало быть страшно. Я поняла, что больше все равно терять нечего. Для меня все кончено.

– Чего это вдруг? – немного сбавил тон Марат.

– Того. Родителей я больше не увижу, в свой мир не вернусь. Думаю, жить мне осталось всего ничего. Я ведь полу-вечница.

– Я тоже полувечник, – закатывая глаза, напомнил Вельшин.

– Ну, тебя она, может, и не тронет. А меня, если сама не убьет, то подарит кому-нибудь или обменяет. Но, знаешь, я больше не боюсь. Когда понимаешь, что надежды нет – страх куда-то уходит. И мне очень стыдно, что я была такой... мерзкой, – с трудом выдавила из себя Полина. – Прости, что выдала твоего друга.

– Ладно, обошлось все, – пробормотал Марат, озадаченно переступая с ноги на ногу. – Ты чего хочешь-то?

Полина внезапно шагнула вперед, уткнулась лицом ему в плечо. Руки ее при этом оставались висеть вдоль тела.

– Я хочу бороться, – зашептала горячо. – Да, я знаю, с вечниками не повоюешь. Но нельзя же уйти просто так, будто нас и не существовало, будто мы не значим ничего! Я знаю, ты тоже не сдашься. Так давай будем вместе искать хоть какой-то выход! Хорошо? Хорошо?

Ворон совсем потерялся от этих рубленых фраз и горячего дыхания ему в плечо. Он даже слегка приобнял девушку, желая утешить, провел рукой по распущенным волосам, густым и теплым.

– Ладно, придумаем что-нибудь.

– Что? – сразу собралась Полина. Да уж, перемена была разительной.

– Не знаю пока. Но я придумаю. Слушай, прости, бежать надо, – попятился Вельшин. – Вечером еще поговорим, лады?

– Хорошо, – кивнула девушка. – Я буду ждать.

Валерия Марат отыскал в его кабинете недвижимым, словно окаменевшим над россыпью исписанных бумаг. Похоже, тот так и просидел здесь с момента их вчерашнего расставания. Уже три дня они искали хоть какой-то способ связаться с друзьями, и вчера вечером появился первый вариант.

– Эй, ты живой? – с порога окликнул его Вельшин.

– Что? – Валерий развернулся на стуле, вперил в Ворона непонимающий взгляд воспаленных глаз. – Живой. Заходи. Есть кое-какие результаты.

– Ого! – моментально воспрянул духом Марат. – Придумал, как спасти город?

Валерий покосился на него хмуро, явно раздраженный таким энтузиазмом.

– Город спасти невозможно, так что хватит об этом! Я лишь рассчитал возможность передачи сигнала. Но это чисто гипотетически.

– Из этого времени в будущее, что ли?

– Ты меня вообще слушал? – немедленно вышел из себя Валерий. – Территория дворца – это и есть будущее, наше настоящее. Связь не до конца нарушена, хоть и крайне слаба. У нас есть возможность послать наружу световой сигнал. Повторяю: вероятность того, что получится, минимальна. К тому же сигнал будет проходить примерно с четырех до восьми утра. Его, скорее всего, попросту никто не заметит. Но пока другого варианта нет, мы будем испытывать этот, безнадежный. Попутно искать другие решения.

Ворон прошелся туда-сюда по комнате, обдумывая услышанное. Сказал как можно быстрее:

– Не, не безнадежный, ручаюсь. Как минимум, двое из наших ходят в школу мимо дворца как раз в районе восьми. А потом, откуда ты знаешь, может, и другие приходят на всякий случай?

В мыслях сразу нарисовался неясный силуэт девушки, бредущей сквозь ночь по парку к темной громаде дворца. Лично он при другом раскладе таскался бы туда каждый день...

– Да, Лазарь может предвидеть такой вариант, – вроде как с благодарностью пробормотал Валерий. А затем спросил без паузы, тоном сухим и отстраненным: – А зачем тебя Креон вызывал с утра?

– А самому не догадаться? Хочет, чтобы я приглядывал за тобой.

– Только это?

– Что, мало?

Валерий передернул худыми плечами:

– Ладно, ответ принят. Можешь прямо сегодня поведать ему о плане передачи сигнала.

– Зачем это?!

– Ну, продемонстрируешь готовность к сотрудничеству. Мешать нам Креон не станет, это ведь никак не препятствует его планам. А мы, наоборот, легализуемся: никто не станет мешать нам бродить ночью по дворцу и светить в окошки. Будем действовать по очереди, согласен?

Марат сосредоточенно кивнул. Потом спросил:

– Слушай, а ты видел его... настоящего хозяина Книги? Креон сказал, что это не он, что есть какой-то другой. При этом он сам его, если не врет, в глаза не видел.

Валерий хмыкнул, давая понять, что мало обеспокоен этими вопросами.

– Я слышал об этом. Речь идет о самом первом из известных владельцев Книги, о вечнике, который создал Шаргаим.

И снова уткнулся в расчеты, давая понять, что все сказал по данной теме. Но Ворон, само собой, и не думал отставать:

– А как же он вновь завладел Книгой-то? Давай выкладывай все, что знаешь!

Валерий одарил его холодным взглядом воспаленных глаз:

– Ты самый надоедливый смертный из всех, кого я встречал. Так не пойдет, я не собираюсь тратить время на болтовню.

– Только насчет хозяина, – напустил на себя смиренный вид Вельшин. – Должен же я понимать, что творится в этом гадюшнике.

– Должен он... Зачем, интересно? Хотя неважно. В общем, много веков назад Книга талантов была похищена у создателя Шаргаима юношей по имени Дио. Этот вечник сумел надежно спрятать Книгу и ни разу за все эти тысячелетия не прибегнул к ней, не овладел ни единым талантом. При этом все это время он разыскивал прежнего хозяина, чтобы спасти своих друзей, оцепеневших после прикосновения к Книге. Но так никогда и не напал на его след...

– Это я знаю, – нетерпеливо перебил его Марат. – Лазарь рассказывал. Это в Книге написано, точнее, в позднейшей вставке.

– Вот как? Ну, а дальше можно только догадываться. Едва ли прежний хозяин мог бесследно сгинуть, наверняка ведь успел выдоить Книгу до последнего таланта. Почему не пошел на контакт с Дио – загадка. Может, не доверял ему, не верил в шанс получить обратно свое сокровище. А вот Креон поднял вокруг своей находки шум, немедленно начались убийства и исчезновения вечников. А ведь умом-то он не блещет, да и духом слаб. Настоящий хозяин вышел на него, запугал до смерти, но по своим соображениям все же оставил ему доступ к Книге. Но это, повторяю, только моя версия!

– Погоди, так настоящего хозяина видел кто или нет?

– Я – точно нет! – отрезал Валерий. – А вообще Креон мог соврать, чтобы перевести стрелки на кого-то другого. И меня это не волнует.

– Почему? – удивился Марат. – Я думал, всем вечникам до смерти интересно все насчет этой чертовой Книги.

Лицо Валерия налилось кровью, шрамы вздулись и сделались еще безобразней.

– Потому что мне наплевать! – заорал он. – Все, что меня волнует – это как спасти моих друзей! Об этом я буду беспокоиться до последнего мгновения моей поганой жизни! Если даже мне вдруг выпадет возможность стать новым хозяином Книги, я первым делом подумаю, нужно ли это для моих целей. Если нет – до свидания! Это ясно?!

– А то! – повысил голос и Марат. – Полностью с тобой солидарен, если что.

– Отлично! Может, дашь мне поработать спокойно?

Или еще есть вопросы?

– Вообще-то есть один, – принял подачу Ворон. – Давно хотел спросить: а зачем вообще нужны эти путешествия во времени?

Валерий, постепенно успокаиваясь, глянул на него вроде как удивленно, скривил губы в ухмылке:

– А по-твоему у, чем еще заняться тем, у кого вечность в кармане? По крайней мере хороший способ развлечься. И потом, весьма предусмотрительно. Ведь настанет когда-то тот многократно предсказанный момент, когда звезды погаснут и небо свернется, как свиток. А вечники в большинстве своем на Страшный суд не торопятся. Да и привычка жить усиливается с годами.

– И что? – не понял Вельшин.

– А то. Многие всерьез рассчитывают при первых признаках конца забраться далеко в прошлое.

– Да разве это возможно?! Бред!

– Никто не знает, возможно это или нет, – устало и равнодушно пробормотал Валерий. – Просчитать такое немыслимо, в этом вопросе мы напрочь выходим за рамки любых наук. Можно только надеяться. Но уж что-то, а это вечники умеют. А сейчас будь так любезен...

Марат молча покинул комнат у. Вернулся к себе, успел заметить краем сознания, что брошенная у порога бахил-ка куда-то испарилась. Все это время он лишь невероятным усилием воли скрывал свое состояние, зато сейчас не смог добраться даже до дивана. Рухнул на холодный пол и моментально отключился.

Глава 5

УГРОЗА

Лазарь и Анна примчались уже через четверть часа, подрулили прямо к магазину у, возле которого бесследно исчез Славик. Они лично опросили охранников и продавцов, частично и покупателей – некоторые из них в примерное время исчезновения как раз заходили в торговый центр. Несколько человек припомнили ребенка, который развлекал себя тем, что съезжал на корточках по скользкому пандусу, а потом, цепляясь за перила, карабкался вверх. Но никто не видел, в какой момент мальчик исчез, никто не заметил рядом с ним кого-то подозрительного.

Тем временем в доме на кухне тетка Муза давала показания паре полицейских, больше озабоченных тем, чтобы не оглохнуть от ее громогласных требований немедленно мобилизовать на поиски все отделения полиции, а также вызвать подкрепление из Питера.

Лида, вернувшись домой в сопровождении ребят, первым делом заглянула в их с матерью комнату. Ее испугала поза Веры, полулежавшей на диване, словно у нее опять отказали ноги. Она перебежала комнату, опустилась на корточки, заглянула в лицо матери.

– Мамочка, не волнуйся, Славик скоро найдется. Это просто какое-то недоразумение. Ну, может, он пошел домой и случайно заблудился, свернул в другую часть поселка. Его заметят и приведут к нам. Вот Анна с Лазарем сейчас поедут по поселку и будут высматривать его.

– Лида, – задыхаясь, прошептала Вера. – А если... если это именно то, о чем я тебе говорила? Этот загадочный гипноз?

– Ма-ам, ну ты чего? Сама же сказала, что исчезают подростки. А наш Славик – ребенок еще совсем, до подростка ему расти и расти.

Сказала – и вдруг сама испугалась. А что, если он... если уже не вырастет? Вдруг беда пришла в их семью, откуда не ждали? Едва переводя дыхание, Лида погладила мать по голове и убежала на кухню.

Полицейские покидали дом. К Лазарю они по неизвестным причинам обращались, как к полицейскому чину не ниже генерала: стояли навтыжку, уверяли, что сделают все возможное и доложат результаты уже в ближайшее время. Тетку взяла на себя Анна, и та больше не скандалила и не рыдала, а лишь тихонько всхлипывала, повиснув необъятным телом на хрупком плече девушки.

Лида пошла провожать представителей закона до калитки. Тот, кто шел впереди, распахнул калитку и даже попятился от неожиданности, заступил ногой на разбухшую грядку и с шумом обрушился в кусты малины... Потому что по другую сторону забора обнаружился Славик, перепуганный, заплаканный, но вполне целый.

На шум из дома выскочила тетка, взвыла сиреной, подхватила внука на руки и начала прямо в воздухе ощупывать и осматривать его, при этом нещадно выворачивая конечности. Славик, решив, что его наказывают, заревел на весь квартал. Лида же в тот момент ощутила такое облегчение, что только глупо хихикала, наблюдая, как выползает на тропинку полицейский в подмоченной форме, а тетка вращает внука, словно большую куклу.

Лазарь после нескольких неудачных попыток сумел отнять у нее мальчика и унести в дом. Полицейские сделали попытку просочиться следом, но тетка живо их выперла со двора, заявив, что не позволит сегодня мучить ребенка вопросами. С их уходом на ветхий домишко снизошла наконец благодатная тишина.

Анна на кухне заваривала чай. Лида, обняв колени, сидела на табуретке и пыталась собраться с мыслями. Ей очень хотелось верить, что все произошло по упрощенной схеме –

своенравный ребенок не захотел дожидаться бабушку и убежал домой. Потому и ревет теперь, что знает – виноват.

На кухню вернулся Лазарь, молча протянул Лиде записку. Девушка глянула в нее, усердно поморгала на всякий случай – нет, все равно ни один из выведенных черным маркером значков не был ей знаком.

– Ты знаешь, что здесь написано? – спросила она друга.

– Конечно. Дословный смысл таков: «Ты знаешь, что мне нужно. Сделай это, пока не стало слишком поздно».

– И кто... кто писал?

– Кaleb, разумеется. На своем родном языке. Помнишь историю с моими записями?

– Значит... получается, он не переместился вместе со всеми в другое время?

– Что же ему там делать? – Анна развела руками. – Не в прислугу же переквалифицироваться. Мы в общем-то еще когда мчались сюда на поиски, догадывались, чьих рук это может быть дело...

– Мне стоило подумать об этом раньше, – с досадой произнес Лазарь.

– Ой, перестань, невозможно думать сразу обо всем! – возмутилась Анна.

– Я совершенно выпустил его из виду, – не желал снимать с себя вину профессор. – Он выглядел таким сломленным тогда, во дворце. Но теперь, похоже, оклемался и жаждет вернуть то, что ты у него отобрала, Лида.

– Вечность? Господи, да пожалуйста, хоть сейчас! Мне плевать, вечник он или человек, я просто спасала тебя и Алешу!

Лида уже и руки сложила должным образом, когда прозвучал властный голос Лазаря:

– Я бы не спешил этого делать.

Девушка поспешила разнять руки, убрала их за спин у, а после спросила:

– Почему? Он ведь угрожает моей семье.

– Именно поэтом у. Лида, поверь моему опыту: Кaleb желает не только снова стать вечником – он хочет отомстить. И мстить он будет до последнего, пока остается на земле хоть один человек, который дорог тебе.

Девушка от этих страшных слов вздрогнула и едва не свалилась с табуретки.

– Ты... ты уверен?

– Увы, на сто процентов. Он вернул Славика быстро и не причинил ему вреда, но лишь потом у, что хотел поскорее добиться от тебя желаемого. Но пока он человек, он опасен лишь твоим смертным друзьям и родственникам. Мы сумеем их защитить. Станет снова вечником – справиться с ним будет в разы сложнее. Я не в курсе, вернутся ли к нему его таланты, да он и сам наверняка этого не знает. Но это и не имеет большого значения: Кaleb убийца по природе, он опасен и непредсказуем.

– А его женщина? – вдруг с ужасом вспомнила Лида. – Эта... как ее... Фрея. Как думаешь, она тоже здесь?

– Едва ли. Для нее слишком опасно переходить тебе дорог у, так что, думаю, она предпочла остаться во дворце.

– Вот предательница! – с облегчением выдохнула Лида. – Но все же, Лазарь, почему ты думаешь, что он станет мстить? Вдруг просто уберется куда-нибудь... Заняться ему больше нечем, что ли?

Профессор медленно и печально покачал головой:

– Нет, не уберется. Вот тебе первое доказательство – эта записка. Думаю, все эти дни с момента перемещения дворца во времени он следил за тобой, брал на заметку всех, кто тебе дорог. Потом он потерял нас с Анной из виду и вполне мог вообразить, что мы просто разъехались по своим домам. И такой расклад его не устроил. А потому он написал тебе записку,

которую ты заведомо не могла прочитать. К кому бы ты обратилась первым делом после всего случившегося, увидав незнакомые письма?

– К тебе, ясное дело, – закивала девушка.

– А я, тоже ясное дело, понял бы, что творится что-то неладное, и примчался сюда. И Анна, конечно. Но в этом и ошибка Калеба – он ведь у нас не семи пядей во лбу. Ему бы стоило воспользоваться нашим отсутствием, глядишь, сейчас бы уже снова был вечником.

На последних словах Лазарь заметно повеселел, улыбнулся Лиде, как в прежние времена, когда еще не было всех этих бесконечных тревог.

– Так что не о чем переживать, Лидуся, мы за ним приглядим.

– Ага, как мы втроем углядим за всеми? – на этот раз не особо поверила в его оптимизм Лида.

– А кто сказал, что нас будет только трое! – хихикнула Анна.

– Не поняла...

– Лидочка, уже завтра мы начинаем принимать гостей, – торжественно сообщила вечница. – Мы ведь не просто так покинули тебя и носились по десяткам стран! Нам нужно было понять, сколько наших друзей-вечников перешли на сторону Калеба, кто предпочитает хранить нейтралитет, а кто готов выступить против этой напасти. Таких, увы, немного, но все же нашлись. Мы не договаривались с ними ни о чем конкретном, потому что не знали, когда хозяин Книги снова себя проявит. Но сегодня после вашего ухода мы обзвонили всех и пригласили сюда.

– Зачем? – все еще не понимала Лида.

– Затем, что этим замечательным ребятам с нами за компанию придется примерить на себя маски злодеев, – вмешался Лазарь. – Это, конечно, будет нелегко, но только самыми жесткими способами мы сможем убедить жителей очистить город. План, конечно, пока сырой и творится на живую нить – но, надеюсь, мы на правильном пути!

Наступила тишина – все слишком устали, чтобы разговаривать. Лиде казалось, что мозги ее разбил паралич от обилия мыслей. Она тщетно пыталась себе напомнить, что бывало и хуже.

Только успела порадоваться, что друзья проведут этот вечер с ней, не дадут совсем закинуть, как неугомонная Анна вскочила на ноги:

– Ох, нужно бежать, Лидуся. Столько дел!

– Каких еще дел?

– Ну как же? Ребята уже завтра приезжают. Нужно снять всем квартиры, прибраться, заполнить холодильники. А потом еще встретить, все показать...

– Много их будет?

– Не так уж и много, – ответил Лазарь. – К сожалению, даже те, кто на нашей стороне, не до конца поняли серьезность ситуации. Или напротив – очень хорошо поняли. И нашли предлоги, чтобы остаться в стороне.

– Нельзя было говорить им всю правду! – вскричала Анна, сверкая глазами. – Креона они хотя бы боялись, потому что наслышаны о его подвигах! А когда узнали, что за ним стоит какой-то никому не известный злодей, который к тому же не ясно в каком времени сейчас пребывает, мигом расслабились. Думают, их не коснется!

– Это их выбор, – спокойно подметил профессор. – Мы должны быть благодарны, что хоть кто-то откликнулся. Приходи к нам завтра к обеду, Лида. Познакомишься с двумя светилами науки и с одной очаровательной леди в придачу.

– Обязательно приду, – пообещала Лида. – Но вот моя семья... могу я разве оставить их без присмотра... теперь, когда Калев на них охотится?

– Несколько дней можно не беспокоиться, Калев даст тебе время. Он – человек обстоятельный, долго готовился к первому удару, теперь станет выжидать и планировать следующие ходы. Ну, до завтра.

Лида проводила ребят до калитки, тщательно заперла ее на засов, повздыхала, что поверх забора не протянута колючая проволока, как у некоторых соседей, и побрела назад с закрытыми глазами и мотающейся головой. Но ее планам нырнуть сперва в ванную, а потом прямоком в постель не суждено было сбыться: на кухне ее ждала Вера, нервно теребя какой-то листок.

– Мама, как там тетя и Славик? – пробормотала девушка, бессильно прислоняясь к косяку двери.

– Малыш уснул, слава бог у, – отозвалась Вера. – Муза наглоталась таблеток, но все равно пока не может уgomониться. Лидочка, скажи, тебе знаком этот человек?

И протянула листок. Лида поморгала, стараясь сфокусировать взгляд на рисунке, принадлежавшем, очевидно, руке ее юного племянника и выполненном в стиле «точка, точка, запятая». Кажется, это был портрет.

– Мам, издеваешься?

– Ну приглядиись, пожалуйста.

Девушка пригляделась. Что ж, похоже, у мальчика цепкий взгляд и хорошо развита наблюдательность. В нескольких штрихах он талантливо передал основные черты Калеба: длинное лицо, тонкий нос и треугольники смоляных бровей.

– Кто это? – спросила Лида, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Человек, который его похитил. Муза попросила – и Славик нарисовал.

– Лучше бы вам было оставить его в покое.

– Уже оставили. Но мы просто с ума сходили, пытаюсь понять, что похитителю было нужно. И не сделал ли он с ребенком чего-то дурного. А Славик, когда успокоился, сам все обстоятельно рассказал.

– И что же? – Сон куда-то испарился, Лида примостилась за столом напротив матери, впиалась в нее глазами.

– Прежде всего, как произошло само похищение. Славик ждал у магазина, катался по пандусу и не заметил, как к нему подошел какой-то парень с пластиковым контейнером в руках. Контейнер был замотан в тряпку. Вдруг тот тип заглянул в банку, ойкнул, стал смотреть себе под ноги. Славик заинтересовался и подошел поближе, а парень закричал что-то вроде: «Эй, пацан, осторожней, у меня гадюка сбежала». Малыш ужасно испугался, застыл на месте, а парень подхватил его на руки и сказал, что на всякий случай отнесет в свою машин у. И отнес. Машина оказалась какой-то дорогушей и спортивной, наш Славик, само собой, даже про гадюку забыл. Тот тип спросил, с кем мальчик пришел в магазин, и Славик описал ему бабушку. Парень сбежал в магазин, вернулся, сказал, что такую не нашел и сам отвезет Славу домой. Но почему-то они оказались в лесу, и парень демонстрировал, какую скорость набирает машина на пересеченной местности. И только когда Славик начал кукситься и проситься домой, он привез его и высадил на углу нашего квартала.

Лида выслушала молча, внутренне все больше леденея от ужаса. Славик почти два часа находился в руках этого садиста с многовековой практикой!

– И еще дал ему какую-то записку, – не отставала Вера. – Ты видела ее?

– Да, видела. Тарабарщина какая-то. – В этом Лида не соврала.

– Ты знаешь, меня не оставляет чувство, что с появлением Лазаря и Анны в нашей жизни стало происходить слишком много странных и необъяснимых вещей, – тяжело вздохнув, скороговоркой произнесла Вера.

– Ага, точно. Например, ты снова стала ходить!

– Не передергивай, дочь моя! Ты знаешь, как я люблю ребят, как благодарна им. Но если у них какие-то проблемы, мне стоит об этом знать, не находишь? Хотя бы потом у, чтобы постараться помочь им.

Тут Лида не сдержалась – прыснула. Мама собирается помогать ребятам! Вера обиделась, глянула скорбно. Пришлось в темпе просить прощения.

– Ладно! – очень быстро смягчилась женщина. – Иди спать, а то носом клюешь. Лида не помнила, как добрела до постели.

Но усталость усталостью, а уснуть после случившегося оказалось делом непростым. Провертевшись пару часов, Лида все-таки ухитрилась сладко выспаться до десяти часов, проснуться вполне свежей и готовой к новому дню. Правда, пришлось выдержать настоящую битву, потому что Вера никак не хотела выпускать ее из дома после вчерашнего происшествия. Возмущалась: в школу позволила не ходить, а дочь все равно намылилась прочь из дома. Согласилась только с условием поездки на такси и немедленного звонка, как только будет на месте. Через пятнадцать минут девушка, немного волнуясь, уже звонила в квартиру друзей.

Ей открыл Лазарь, как всегда, радостно улыбнулся, помог раздеться. И повел в комнату, полную оживленных голосов.

Лида вошла, с порога завертела головой, отыскивая светил науки. Но вместо них обнаружила двух странных юнцов, уютно устроившихся в мягких креслах.

Один походил на подростка лет шестнадцати: невысок ростом, черноволосый, вихрастый, широко расставленные черносливины глаз. Лицо такое подвижное, что кажется пластилиновым. Он оживленно рассказывал что-то своему соседу, но сорвался с кресла, заметив Лиду. Налетел, едва не вытолкав обратно в прихожую, схватил ее кисть цепкими смуглыми пальцами, поднес к своим губам. И заговорил по-русски, но так сильно грассируя, что девушка едва разбирала слова:

– О, дивное создание! Шарман! Ну почему жизнь так несправедлива? Лазарь, ты уже умыкнул у нас божественную Анн у, а теперь завладел еще и этим бриллиантом. Юная непорочная вечница, даже не достигшая своего конечного возраста! Явление куда более редкое, чем тринадцатая луна, не так ли?

– Угомонись, Жан, – посоветовал ему Лазарь, переставая улыбаться.

Этого оказалось достаточно, чтобы француз немного ослабил свой натиск и уступил место второму гостю. Тот также поднялся на ноги при появлении девушки и теперь с невозмутимым видом ждал своей очереди представиться. Массивный подбородок утоплен в нашейном платке, прямые блестящие волосы лежат, словно приклеенные. Он коротко кивнул девушке:

– Авалон Лидс.

Анны в комнате не наблюдалось, ее оживленный голос доносился с кухни. Там же что-то позвякивало и громко шкворчало. Жан тем временем проводил растерявшуюся девушку к креслу, сам же, словно увлекшись беседой, так и остался сидеть на его подлокотнике.

– Порой бывает так приятно сбросить с себя груз мнимых лет, – церемонно заговорил тот, кто назвался Авалоном. – Спасибо, Лазарь, что позвал меня. Ты оказал мне неоценимую услугу.

– Не за что, – отозвался Лазарь. – Я сомневался, стоит ли отрывать тебя от дел в такой важный момент, когда твой университет на пороге очередного грандиозного открытия.

– О, открытие никуда не убежит! – отмахнулся гость. – В конце концов, одним больше, одним меньше, не суть. Разве что-то имеет значение, когда в кои-то веки моя помощь понадобилась друзьям? И повод отдохнуть от бороды и морщин, само собой. Вы не представляете, мисс, – обратился он к Лиде, чуть подавшись вперед, чтобы разглядеть ее за французом, – какое это мучение: изображать из себя девяностолетнего старца. А именно такой мой возраст указан во всех энциклопедиях. По всем правилам конспирации, я давно должен испариться, подарив человечеству еще одну волнующую загадку. Как же я предвкушаю эти заголовки в газетах: «Эксцентричный старик-профессор бесследно исчез прямо из своей лаборатории! Очередная выходка или похищение?» Но жаль бросать свое детище, да еще в такой ответственный момент! Все равно что по собственной воле отсечь себе руку – что для нас, впрочем, совершенно невозможно.

– Я понимаю, – кивнула Лида, моментально проникшись симпатией к этому забавному англичанин у.

– А представьте себе такой конфуз, – непринужденно продолжал Авалон. – Однажды утром поднялся с постели с превосходной порцией новых идей, вскочил в автомобиль и помчался в лабораторию, чтобы поскорее опробовать пару-тройку из них опытным путем. А охранник на входе грудью загораживает мне путь, к тому же грозит полицией. Я едва сдержался, чтобы не отправить его на больничную койку. И в этот миг случайно увидел свое отражение в зеркальной двери и осознал, что забыл наложить свой ежедневный грим! Пришлось спасаться бегством, да еще и заявлять в угон собственный любимый автомобиль.

Лазарь расхохотался, Жан от смеха согнулся пополам и едва не рухнул на ковер. Лида громко прыснула – и вдруг словно свалилась тяжесть с души. Ей подумалось, что с такими замечательными новыми друзьями они живо решат проблему.

– Ну что ж, давайте к делу, господа, – словно бы уловил ее настроение Жан. – Лазарь, ты поставил перед нами задачу весьма необычную, прямо скажем. Но изумительно интересную: как в кратчайшие сроки заставить население целого города добровольно – или не совсем добровольно – сменить место проживания. Эб, твои соображения? Хотя можешь не напрягаться, я заранее знаю, что ты предложишь. Англичане ужасно предсказуемы.

– Я римский гражданин, – прищурился Авалон.

– Ах, извини, запамятовал. Ты за два часа сказал об этом жалкие четыре раза, вот я и оплошал.

– Впрочем, легко догадаться, что может предложить профессор эпидемиологии, – в упор не замечая подколок, проговорил римский гражданин. – Тут уж даже француз скумекает. Естественно, это первое, что пришло мне в голову, полагаю, не только мне. Угроза хорошенькой эпидемии живо очистит этот город от жителей.

Он потянулся за кресло, и на свет явился выдавший виды саквояж из лоснящейся коричневой кожи.

– И у меня при себе достаточно образцов, чтобы заразить все источники питьевой воды в городе. Все заболевшие, само собой, будут излечены без потерь и последствий.

– Сомнительная идея, – тут же встрял Жан. – Город, как это всегда бывало, окружат кордонами, отсюда ни одна собака не уберется.

– Но мы-то можем помочь населению убраться, было бы желание... А оно непременно будет, как только добрая старая эпидемия во весь голос заявит о себе. Правда, возможна паника и потеря контроля, так что...

– Короче говоря, будет полно жертв! – вскричал француз. – Боже, неужели нельзя придумать что-то более веселое, чем превратить город в лазарет! Держи свой саквояж на замке, Эб, здесь тебе не твой университет. Есть способы куда более эффективные.

– Например? – сощурился эпидемиолог.

– Этот городок, как я успел выяснить, располагает институтом ядерной физики, где имеется симпатичный маленький реактор. Предлагаю в нужный момент захватить институт, пригрозить городским властям взрывом ононого, потребовать... ну, скажем, что-то абсолютно немыслимое. Установим камеры, станем транслировать в интернет разогрев реактора. Власти не станут шутить с огнем и эвакуируют город. Что скажете?

Авалон откинул голову на спинку кресла и зашелся кашлем, подозрительно похожим на гомерический хохот. А Лазарь сказал:

– Да, этот вариант, несомненно, лежит на поверхности. Однако параллельно с эвакуацией жителей город заполонят спецслужбы и войска. Как мы сумеем избавиться от них?

– О, что может быть легче! – все больше распаляясь, вскочил на ноги Жан. – Объявим себя каким-нибудь международным клубом самоубийц, дадим понять, что пойдем до конца. Когда ситуация станет критической, власти отзовут всех из города. А затем просто сделаем,

что обещали: взорвем реактор. Диктатура в России вроде как сошла на нет, добровольцев, – Жан изобразил в воздухе кавычки, – посылать сюда никто не станет. Город просто покинут. А потом с ним случится то, что случится.

Лида впала в оцепенение, не в силах поверить, что все это говорится всерьез. А Авалон вскричал:

– Гениально! Это будет самое изощренное в мировой истории взаимное самоубийство вечников. Ибо, если мы это в самом деле организуем, это будет приравнено к воздействию одних вечников на других. И всем конец.

– Эб, ты меня пугаешь! – закатил чернотыны глаз Жан. – Под занавес рядом с реактором может остаться только один из нас, и он не пострадает.

– Ну это еще большой вопрос, если заварим кашу все вместе. Я подозревал, что все французы – скрытые маньяки, – сокрушенно проговорил Авалон, потирая узкие бледные ладони с очень длинными пальцами. – Но сегодня я в этом окончательно убедился. На мой взгляд, уж легче пожертвовать одним городом, чем уничтожить весь регион. Радиоактивное облако может пойти на Санкт-Петербург, на Москву. Скажи, ты намерен отомстить этой стране за вашего воинственного коротышку Наполеона?

Жан досадливо отмахнулся и продолжал, глядя на задумавшегося Лазаря:

– Жертвы будут в любом случае. Всегда есть кто-то, кто не услышал, не понял, не счел нужным подчиниться. Следует только понять, в каком случае их будет меньше. О, божественные!

Разом утратив интерес к диспуту, он бросился к двери, в которую в этот момент входили Анна с подносом в руках в обществе незнакомой девушки. Жан мигом вырвал поднос, переправил его на стол и вернулся в исходную позицию, чтобы покрыть поцелуями руки девушек. Анна, впрочем, оказалась проворнее и вновь скрылась на кухне. Оставшаяся же позволила делать французам, что ему хотелось, поглядывая на него с добрым прищуром, словно нянечка на расшалившегося воспитанника.

Девушка была очень мила: невысокая, тоненькая, гибкая, с тюрбаном из полотенца на голове. Светлые влажные кудряшки спадали на высокий лоб, черты лица словно выписаны тончайшей кистью.

– Здравствуйте, господа! – произнесла она звучным и нежным голосом. – Простите, пришлось добираться на перекладных, и я не посмела предстать перед вами в затрапезном виде.

Жан издал протяжный стон восхищения. Лазарь и Авалон привстали, приветствуя новую гостью. А вновь появившаяся Анна обняла подружку за талию и повлекла в центр комнаты. Лида догадалась, что только она пока не знакома с гостьей, и тоже выползла из кресла. В тот же миг девушка шагнула к ней, крепко пожала руку.

– Меня зовут Сабина.

– А я...

– Лида, я знаю. Анна уже рассказала о тебе столько всего замечательного, что мне не терпелось познакомиться.

– Обед будет подан через пятнадцать минут, – объявила Анна. И села рядом с Лазарем. – Суп доходит в духовке.

– А пока позвольте услышать ваше мнение по обсуждаемому вопросу, – сказал Жан. – Мы, увы, разошлись во мнениях. Вы ведь в курсе проблемы?..

– Конечно, – улыбнулась Сабина. – Мы с Анной, болтая на кухне, примерно догадались, какие варианты будут предложены. Способы интересные, нет слов, но и весьма опасные. Мне кажется, есть более простой и сравнительно безобидный вариант.

– И это конечно же... – с несколько обиженным видом изрек из своего кресла эпидемиолог и сделал выжидательную паузу.

– Да, господа, это суггестия, – кивнула девушка.

Лида поспешно порылась в голове, припоминая значение слова, и отыскала в закромах памяти его другое значение: гипноз.

– Гениально! – тут же вскричал Жан. – Однако, ма шер, я никогда не слышал, чтобы жители покидали города под влиянием гипнотического воздействия. Даже во всемирно известной истории жертвами заезжего гипнотизера оказались только неразумные дети. Но у вас, восхитительная Сабина, познания в этой области, несомненно, более обширные.

Девушка спокойно выслушала его до конца, кивнула и продолжила развивать свою мысль:

– Однако не забывайте, господа, что в этом городе совсем недавно произошло нечто, что не поддается никакому логическому объяснению. И жители пока только делают вид, что все в порядке, тогда как на самом деле поголовно пребывают в посттравматическом шоке. Теперь допустим, что мы воспользуемся самым раскрученным трендом последнего десятилетия – вампирами. Жители начнут встречать их на улицах, в парке. Пусть таких встреч будет не очень много, но этого окажется достаточно, чтобы началась паника, стихийные собрания, на которых люди будут готовы к восприятию любого внушения, а оно будет направлено лишь на одно: «бегите из города». Да, уедут не все. – Сабина стремительно вскинула руку, не давая неугомонному Жану прервать ее. – Поэтому я предлагаю создать комбинированный план, в котором найдет место и террористическая угроза, и массовые заболевания, и психологическое воздействие.

Сабина умолкла, стянула с головы полотенце, и короткие кудрявые волосы нимбом окружили ее милое невозмутимое лицо.

Некоторое время парни были заняты перевариванием информации. Потом Авалон заговорил:

– Ну что ж, этот план кажется мне вполне выполнимым. Массовая истерия, психоз, конечно, под нашим тщательным контролем, чтобы избежать жертв. Хорошо бы было прибавить сюда до кучи и некоторые фокусы с беспроводным электричеством. Ну, всякие там включения электричества одномоментно по всему городу, летающие сгустки энергии, точечные взрывы. Всем этим в совершенстве владел мистер Бельский, но он, к несчастью, сейчас не с нами.

Лида заметила, как разом потускнело лицо Анны, и не сразу сообразила, что Бельский – фамилия Валерия. Жан издал громкий стон, протестуя против бестактности Авалона. А Анна вдруг сказала:

– Ну, кое-чему он научил меня на досуге. Ничего серьезного, но пару штук подготовить вполне мог у.

– Шарман! – возликовал Жан. – Обожаю, когда женщина работает с электрической энергией! А теперь предлагаю передохнуть от важных разговоров и хорошенько отметить нашу такую редкую встречу у.

И все сразу зашевелились, Анна унеслась на кухню, Сабина и Лида потянулись за ней. На кухне гостя без лишних слов вдруг обняла Лиду за плечи, хотя для этого ей пришлось привстать на цыпочки.

– Бедное дитя, – проникновенно сказала она. – Анна рассказала, сколько всего тебе пришлось пережить. Надеюсь, мы подружимся, хоть я и гожусь тебе в прапрабабки.

За обедом, изысканным, как все, за что бралась Анна, разговоры шли на неведомые Лиде темы. Вспоминались старые встречи, случившиеся задолго до ее рождения, тогдашние события, общие знакомые. Скучать ей не давал Жан, полностью взявший на себя за столом заботу о том, чтобы Лида впихнула в себя как можно больше разнообразной еды. Едва было съедено роскошное желе, как француз вскочил на ноги, слегка покачнувшись – за столом он единственный

прикладывался к бутылке Бордо (Авалон не преминул посокрушаться о том, как нелегко было римлянам заставить ленивых галлов высаживать лозу) – и воскликнул:

– Что ж, помнится, мне была обещана культурная программа. Просто не терпится осмотреть этот русский Версаль, пока он не обратился в прах. Лиди, – он галантно повернулся к девушке, – не изволите ли быть моим гидом сегодня?

– Я? – растерялась Лида. – Ну, я мог у, конечно...

И покосилась на друзей. Анна хитренько улыбнулась и мелко закивала, а вот Лазарь почему-то выглядел недовольным. Поймав ее взгляд, он лишь едва заметно пожал плечами, давая понять, что она сама вольна распоряжаться своим временем.

Идти куда-либо с Жаном Лиде не особо хотелось: француз подавлял ее своей импульсивностью и болтливостью. Но девушка понимала, что должна по мере сил помогать ребятам, а культурная программа для гостей входит в эту помощь. Поэтому постаралась изобразить вежливую улыбку – и согласилась.

Глава 6

ИЗГНАННИЦА

Глубокой ночью, едва продрал глаза после короткого сна и отчаянно зевая, Марат с аварийным фонарем в руках брел по дворцовой галерее в поисках нужного окна. Дворец казался ему заколдованным, и задумка Валерия виделась сейчас абсолютным бредом. И все же он собирался сделать это. В левой руке Ворон сжимал листок с подробно расписанной последовательностью сигналов.

Нужное окно было обращено на плац. Почему именно оно – Марат так и не понял. Хотя в школе нормально ладил с физикой, но от пояснений Валерия быстро сдался и объявил себя простым исполнителем.

Не особо таясь, он шел мимо апартаментов, мимо закрытых и распахнутых настежь дверей, за которыми дрыгли вечники, утомленные бесконечными вечеринками и возлияниями. Но замер, когда услышал голоса, тревожно-громкие, совсем не ночные. Осмотрелся, определяя на слух, откуда они несутся: створка одной из дверей была приоткрыта на четверть.

Совсем недавно он побывал там – в комнате Джулии. Мимо любой другой комнаты прошел бы равнодушно, но все, что связано с Джулией, следовало держать на контроле. И Вельшин сменил направление. Постоял пару секунд у двери – этого хватило, чтобы убедиться, что сюда долетает только звук голосов, но не слова. Сунулся за створку двери и обнаружил там просторную ширму перпендикулярно к стене и всего в паре метров от двери. За нее и прошмыгнул ужом, уселся по-турецки на роскошный ковер и приготовился слушать.

К тому времени Ворон уже сообразил, что собеседником Джулии был сам Креон. Голос его, низкий и ленивый, звучал особенно противно в эту ночь. Он как будто упивался собственной властью и превосходством, тогда как униженный голос Джулии срывался почти на каждой фразе.

– Я не верю. Ты разыгрываешь меня, Креон! Но это совсем не то, в чем я сейчас нуждаюсь, поверь.

– А может, это как раз ты пытаешься неудачно пошутить со мной, Джулия? – прозвучал насмешливый ответ. – Поверь, я был бы счастлив это услышать. Мне трудно поверить, что ты оказалась такой жалкой дурой. Вообразила, будто имеешь какие-то особые привилегии, даже влияние на меня. На меня! Давненько я не бывал так разочарован.

– Прости, Креон, – прошелестел голос девушки.

– Простить? Оставь эти глупости простым смертным. А мои порядки ты знаешь и знаешь, как должна теперь поступить. Я не вполне понимаю, для чего тебе понадобился этот разговор.

– Но как же? – По голосу вечницы можно было догадаться, что она вконец потеряла голову. – В чужом времени, в воюющей стране... я думала, ты сможешь хотя бы дать мне отсрочку...

Резкое движение отодвинутого стула.

– Кажется, ты окончательно потеряла голову, девчонка. Постыдись и вспомни, кто ты! Ты раздобудешь все, что тебе необходимо, займешь лучший дом в этом городишке. Или сразу отправишься, куда заблагорассудится. Ты ведь уже жила в этом времени?

– Да, жила, – после паузы отозвалась Джулия. – Но что произойдет, если я попытаюсь вернуться в свой дом? Я встречу там себя?

– Успокойся, не встретишь, – прозвучал насмешливый ответ. – Или забыла, о чем я говорил тебе? Мы не можем отыскать себя в прошлом. Непостижимый феномен, не так ли? И у тебя есть шанс хорошенько его исследовать.

Снова пауза, вязкая, долгая. Потом шаги направились к двери, и Ворон мысленно возликовал, что не остался снаружи. Похоже, разговор этот не для чужих ушей.

– Креон, почему ты так поступаешь со мной? – тихо, без особой надежды произнесла Джулия. – Многие ли будут преданны тебе, как я? Многие ли из твоего окружения готовы без раздумий отдать за тебя свою жизнь? И ты сам отлично это знаешь.

– Я это знаю, – с готовностью признал Креон, на миг останавливаясь. – Но я дорожу своим правом не отступать ни на йоту от своих принципов. К тому же, Джулия, уже не обижайся, но твоя преданность немного утомляет. Она, может, пригодилась бы какому-нибудь смертному у, но точно не мне. Сама подумай, что может мне угрожать здесь?

– Прости, – обронила девушка. – Я этого не учла. Я должна уйти прямо сегодня, сейчас?

– Ну, куда так спешить, ты можешь дожидаться рассвета, – ответил Креон с такой явственной издевкой, что Марат сморщился от отвращения.

– Я поняла. Спасибо и за эту малость. Но у меня есть обязанности. Разве я не должна хотя бы передать их кому-то еще?

Шаги снова стихли. Полминуты напряженной тишины – и полный досады голос Креона:

– Ах да, совсем забыл. Молодец, что напомнила. Документация в порядке?

– Да.

– Когда следовало делать очередной укол?

– До него оставалось несколько дней. Но сейчас время изменилось, и я как раз хотела спросить тебя о погрешности...

– Откуда мне это знать?! – Кажется, беседа чрезмерно утомила вечника. – Да и не имеет значения. Инъекции больше не потребуются.

– Но почему?! – Эмоции вернулись в почти угасший голос девушки.

– Эксперимент завершен. Я узнал об этом снадобье все, что хотел знать. Впрочем, даю тебе еще три дня, Джулия. Подготовь все документы. Это все.

Хлопнула дверь – так, что древняя ширма заколыхалась. Стихли в отдалении шаги. Марат приготовился покинуть комнату, ждал только заключительного аккорда: плача Джулии. Считая себя знатоком женщин, он не сомневался в своих расчетах и заранее занял стартовую позицию.

Но время шло, разламывалось от боли колено, на которое он опирался, а в комнате стояла предательская тишина. Марат не выдержал и поднялся на ноги, больше не таясь. Конечно, приближаться к женщине, когда она в таком состоянии, да еще может сделать с тобой что угодно – решение потенциально опасное. Но он не привык праздновать труса.

Джулия, свернувшись комочком, очень тихо лежала в центре кровати. Тишину нарушал только странный сухой стук – и Ворон не сразу сообразил, что это лязгают зубы девушки. Незваного гостя она не замечала.

Но стоило легонько потрясти ее за плечо, как девушка отпрянула, явственно зашипела и вскочила с ногами на бордовое с золотой отделкой покрывало. И заорала:

– Что тебе здесь нужно?! Убирайся!

– Тише, тише, ну что ты, – проворковал Вельшин тем проникновенным голосом, который всегда гипнотически действовал на девушек. Ясное дело, с Джулией это не сработало.

– Если не испаришься через секунду, завтра же подарю тебя или продам том у, кто церемониться с тобой не станет! – провоцила она. – Ты вообще не смеешь подниматься на этот этаж, смертный! Вали в свой подвал!

– Ты бы так орала на того, кто реально тебя обидел, – посоветовал ей Вельшин. – А то умоляла его, как последняя тряпка, противно было слушать.

– Так ты слушал? – Джулия ловко соскочила на пол прямо напротив Марата, и в руке у нее блеснул кинжал. – Зачем? Тебя кто-то послал?

– Нет, самому стало интересно. – Вельшин попробовал незаметно отступить – уж очень нервировал этот хищный металл перед самым носом, – но намертво запутался в пологе кровати.

– И что ты слышал?

– Да ничего толком не слышал! Просто подумал, вдруг тебе помощь нужна, вот и держался неподалеку.

– Смертный идиот, – сквозь зубы процедила Джулия, отступая на шаг и вроде как успокаиваясь. – Как, интересно, ты собирался мне помочь?

Она снова забралась с ногами на кровать. Марат на всякий случай отошел к окну и оттуда выдал совет:

– Не переживай. Он же разрешил тебе пока остаться, верно? Это я самый конец случайно уловил. А за пару дней можно много чего устроить. Заговор организовать, восстание поднять. Этот Креон давно нарывается.

– Пошел вон! – уже без энтузиазма завела свое вечница. – Мне не нужны советы собственного раба.

– Ну, насчет раба – это ты эпохи попутала. Но учти, если надо – я тебя поддержу. Замутим кипеж вместе.

Молчание. Вельшин затаил дыхание в ожидании неведомых перспектив. Союз с Джулией был бы сейчас как нельзя кстати.

– Ну, если подумать... ты можешь мне помочь в одном деле, – задумчиво протянула вечница. – Это и в твоих интересах, сам знаешь.

– Вот давай без этого...

– Я уйду отсюда, и трех дней ждать не буду! Но прежде спасу свою подругу, – отчеканила Джулия.

Вельшин уставился на нее в полном недоумении. Он был уверен, что у таких стервозных и заикленных девиц подруг не бывает по определению.

– Что еще за подруга?

– Твое какое дело? – ощерилась Джулия. – Просто будешь делать, что я тебе велю, понял? И останешься живым.

И тут Марат вспомнил, что у него есть неотложные дела, так что в ответ на очередную грубость просто скривился:

– Ну, как скажешь. Это ведь не срочно?

И заспешил к двери.

– Я призову тебя, когда понадобится, – нараспев посулила Джулия.

Парень врос в пол, потом решительно крутанулся на пятках.

– Э, нет, красавица, так у нас ничего не выйдет. Попробуешь хоть раз поступить со мной, как с той девчонкой – и будешь сама решать свои проблемы.

– Куда ты денешься, интересно знать?

– Куда денусь – мое дело. Лучше уж ноги себе подрежу, чем подчинюсь тебе. Так что запомни, Джулия: хочешь спасти подругу – подружись и со мной. Хотя бы на время. И без вариантов.

Сказал – и выскочил за дверь.

В лихорадочном темпе Вельшин отыскал нужное окно, зажег фонарик, взгляделся в почерк Валерия. А потом залез с ногами на широкий подоконник, направил фонарь в окно и начал посылать в зимний полумрак загадочные сигналы. Иногда, когда рука уставала, он выключал фонарь, прикивал лбом к стеклу и вглядывался в темноту. Чаще всего смотрел в ту сторону, где жил его единственный за всю жизнь друг. Правда, отсюда поселка было не видно. Из огней только редкие костры вспыхивали время от времени в разных местах. Иногда

вспарывала вдруг тишину автоматная очередь, пушечные выстрелы звучали остро и четко, заставляя каждый раз вздрагивать.

Марат задумался: а воевал ли кто из его родни и не может ли находиться сейчас в этом городе какой-нибудь кровный родственник? Кажется, когда он был еще дошкольником и на любом фантике ухитрялся нарисовать танк, мать рассказывала ему что-то про своего деда-полковника. Но после началась секта, и разговаривать с мамой о чем-либо нормальном стало делом бессмысленным.

Даже своему другу Санину Марат никогда не признавался, как сильно он скучает по матери. Как иногда по ночам подходит к ее кровати и вглядывается в ее лицо. Во сне она кажется прежней, черты расслабляются, пару раз он даже видел улыбку на ее губах. Но все исчезает, стоит ей проснуться, остаются только до предела поджатые губы, взгляд испуганного зверька из-под надвинутой по глаза косынки и шелестящий шепот: «Сыночка, во всем подчиняйся отцу».

После нескольких часов вахты Ворон уже клевал носом и регулярно отключался, не забывая машинально жать на кнопку фонарика. Вдруг в этом полудремотном состоянии привиделось ему, как девушка с черными косами легкой походкой идет по плацу, вскидывает голову, смеется и машет ему. Во сне он позвал ее по имени, счастливый, что смог предупредить, что опасность миновала. Мгновение спустя фонарь удачно приземлился ему прямо на ногу, Марат вздрогнул и очнулся.

Глянул на часы: время для подачи сигнала давно вышло, можно отправляться в свою комнату и спать, спать, спать. Отыскал, чертыхаясь, укатившийся за рогатую статую фонарь и побрел с закрытыми глазами к парадной лестнице.

Толстая ковровая дорожка приятно пружинила под ногами. Ворон навалился грудью на мраморные перила и отказался от мысли разлепить веки. Зачем? Лестница и так приведет в нужное место. Так сонно рассуждал он, пока не налетел на кого-то, и два тела, перелетев последнюю ступеньку, рухнули на площадку.

– Извиняюсь, – пробормотал Вельшин, первым вскакивая на ноги и недоумевая, как он смог опрокинуть такого крупного парня.

Разгадка оказалась самой простой: незнакомец был пьян. И невероятно зол. Прозрачные глаза испепеляли Ворона, руки елозили по мрамору в поисках опоры. Если в первый миг Вельшин и хотел подать ему руку, то теперь был озабочен тем, как бы смыться поскорее во избежание конфликта. Но сделать это ему не удавалось: парень перегородил проход и дрыгал в воздухе ногами всякий раз, как Ворон планировал перескочить через него.

От незнакомого вечника густо пахло порохом, кровью, какой-то звериной злобой. И самое странное: когда он все же принял вертикальное положение, на нем обнаружилась темно-серая форма штандартенфюрера СС, новенькая, отлично сидевшая на его мощной фигуре.

– Русская свинья! – рявкнул он на Марата, старательно отряхиваясь. – Как смеешь ходить по нашей лестнице? Ты есть обслуга или вассал? Хотя, не есть важно – я все равно накажать тебя.

– Я уже извинился, – буркнул Ворон. – Пройти дай.

– Никто пройти, – вечник оставил в покое форму и с глумливым видом загородил ему путь. – Давай позабавимся, га-де-ныш. Сегодня я убил много, очень много русских. А завтра убью еще больше. Это есть моя месть за друзей. Давай нападай на меня! Ну!

Но Вельшин, покачивая головой, отступил к стене и сложил руки на груди. И даже презрительно улыбнулся немцу, давая понять, что не дурачок какой-нибудь и на это не поведется.

– Давай! – напирал немчур. – Трусливая русская свинья! Ты вонять страх! С кем ты здесь? Завтра я найду твою мать и привязать голой в парке.

Марат вдруг обнаружил себя со сжатыми кулаками и уже на подходе к вечнику. Дыхание сделалось свистящее, словно вхолостую, не насыщало больше мозг кислородом. Он сделал еще

шаг и ощутил невидимую железную петлю на горле. Глумливое лицо немца в тусклом ночном освещении начало двоиться и расплываться. И все же он сделал еще шаг, возможно, роковой...

А потом вдруг что-то взорвалось у самых ног, обдав его колючей волной. Марат отскочил назад и из угла площадки в недоумении уставился на тысячи разноцветных осколков.

Вечник гортанно выругался, направил куда-то вверх указательный палец, надул щеки и рявкнул:

– Пуф!

И продолжил путь, кажется, вполне удовлетворенный. Вместе с ним стала уходить боль, воздух вернулся в легкие, перестало бешено колотиться сердце. Появились силы глянуть наверх. Сначала виднелась только спина уходящего вечника, а потом через мраморные перила свесилась вниз Полина. Лохматая, в халатике поверх ночнушки, глаза круглые от ужаса.

– Где вазу взяла? – спросил ее Марат. – Или что там это было?

– В холле на втором этаже. С постамента стащила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.